

Владимир Клавдиевич Арсеньев

Рассказы

Владимир Клавдиевич Арсеньев

Рассказы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22208331

Рассказы:

Аннотация

«...После полудня погода испортилась. Небо стало быстро заволакиваться тучами, солнечный свет сделался рассеянным, тени на земле исчезли, и все живое попряталось и притаилось. Где-то на юго-востоке росла буря. Предвестники ее неслышными, зловещими волнами спускались на землю, обволакивая отдаленные горы, деревья в лесу и утесы на берегу моря...»

Содержание

Три гроба	4
Смерч около устья реки Тумнин	12
Касатка-Тэму	16
Змеиная свадьба	21
Ястреб и заяц	27
Бой орланов в воздухе	30
Птичий базар	35
Охота на лосей	41
Гнездо филина	48
Мыс Сюркум	60
Зимний поход по реке Хунгари	74

Владимир Клавдиевич Арсеньев Рассказы

Три гроба

После полудня погода испортилась. Небо стало быстро заволакиваться тучами, солнечный свет сделался рассеянным, тени на земле исчезли, и все живое попряталось и притаилось. Где-то на юго-востоке росла буря. Предвестники ее неслышными, зловещими волнами спускались на землю, обволакивая отдаленные горы, деревья в лесу и утесы на берегу моря.

Пора было становиться на бивак, но вдруг я вспомнил, что, уходя из села Дата, я не завел хронометра. Если его не завести, завтра утром он остановится, и тогда – прощайте мои долги!

Надо было немедленно возвращаться назад. Я сообщил об этом моему спутнику Ноздрину. Он не протестовал и молча последовал за мною.

Мы старались держаться своих следов, но скоро потеряли их и дальше пошли медвежьей тропой. Она то приближалась к реке Улике, то снова углублялась в лес. Иногда мы ее те-

ряли, но потом находили опять там, где была сильно примята трава. До сумерек все же успели пройти порядочное расстояние, что придало нам больше уверенности, и мы прибавили шаг. Незаметно скрылось солнце за горизонт. Сумерки надвинулись неожиданно. Воздух посинел, потом потемнело небо; начал накрапывать дождь. Как раз в это время медвежья тропа, которой мы все время держались, стала забираться в сторону от реки. Полагая, что она снова выйдет на Улике, мы доверились ей. Однако она уходила все дальше и дальше в тайгу. Тогда я решил оставить ее и свернул на юго-восток, чтобы целиной через лес выйти прямо к реке.

– Как бы нам не заблудиться, – сказал Ноздрин.

Но, по моим соображениям, река не должна была быть далеко. Часа через полтора начало смеркаться. В лесу стало быстро темнеть, пошел мелкий и частый дождь. Уже трудно было рассмотреть что-нибудь на земле. Нога наступала то на валежину, то на камень, то проваливалась в решетины между корнями. Одежда наша быстро намочилась, но мы мало обращали внимания на это и энергично продирались сквозь заросли.

Вот впереди показался какой-то просвет. Я полагал, что это река; но велико было наше разочарование, когда мы почувствовали под ногами вязкий и влажный мох. Это было болото, заросшее лиственницей с подлесьем из багульника. Дальше за ним опять стеною стоял дремучий лес. Мы пере-

секли болото в том же юго-восточном направлении и вступили под своды старых елей и пихт. Здесь было еще темнее. Мы шли ощупью, вытянув вперед руки, и часто натыкались на сучья, которые как будто нарочно росли нам навстречу.

– Собака лает, – сказал Ноздрин и остановился.

Но как я ни напрягал слух, не слышно было ничего, кроме легкого ветерка, пробегающего по вершинам деревьев, да шума дождя.

– Это тебе показалось, – сказал я своему спутнику, и мы опять начали пробираться через заросли кустарниковой березы, поминутно натыкаясь на бурелом и обходя его то с одной, то с другой стороны.

– Надо бы «взречь», – сказал Ноздрин и, приложив руки ко рту в виде рупора, закричал что есть силы, но звук голоса не распространился по лесу и как-то глухо затерялся поблизости.

Иногда мне казалось, что я узнаю то или иное место. Казалось, что за перелеском сейчас же будет река, но вместо нее опять начиналось болото и опять хвойный лес. Настроение наше то поднималось, то падало. Наконец, стало совсем темно, так темно, что хоть глаз выколи. Одежда наша намокла до последней нитки. С головного убора сбегала вода. Тонкими струйками она стекала по шее и по спине. Мы начали зябнуть.

– Делать нечего, – сказал я Ноздрину. – Придется ночевать.

– Ну что же, ночевать – так ночевать, – отвечал стрелок. – Здесь много бурелома, дров хватит.

В это время я наткнулся на что-то большое, громоздкое. Потеряв равновесие, я упал поперек какого-то большого предмета. Я стал подниматься и руками ощупывать длинный ящик в виде корыта, сверху забитый досками.

– Гроб, – сказал я своему спутнику.

– Должно быть, деревня недалеко, – ответил Ноздрин. – Это – кладбище, значит нам надо держать направление так...

Я не видел, куда показывал Ноздрин, и, поднявшись на ноги, пошел за ним следом. Едва мы сделали несколько шагов, как теперь он наткнулся на второй гроб, прикрытый сверху корьем. Представив себе мысленно, как расположено кладбище, я взял еще правее, но снова гроб преградил мне дорогу. Тогда я остановился, чтобы сообразить, куда держать направление.

Ночь была черная и дождливая. Ветер дул все время с северо-востока порывами, то усиливаясь, то ослабевая. Где-то в стороне скрипело дерево. Оно точно жаловалось на непогоду, но никто не внимал его стонам. Все живое попряталось в норы, только мы одни блуждали по лесу, стараясь выйти на реку Улике.

– Попробуй выстрелить, – обратился я к Ноздрину.

Стрелок снял винтовку с плеча, и я слышал, как он взвел курок затвора. Короткая молния на мгновение прорезала тьму. Звук выстрела, так же, как и окрик, не мог распростра-

няться далеко и замер тут же, где и родился. С минуту мы неподвижно, напрягая слух и зрение, простояли на месте, но не слышали ничего, кроме шума дождя и журчания воды, бежавшей ручьями по земле. Посоветовавшись, мы решили пройти еще немного, и если скоро не выйдем из лесу, то развести огонь и ждать рассвета. Пройдя сто шагов, я увидел, что Ноздрин отстал, и окликнул его. Стрелок тотчас же отозвался.

– Сейчас, я только гроб обойду, – ответил он.

Мы стали перекликаться и пошли друг другу навстречу. Когда он был совсем близко от меня, я слышал, как он упал и выругался.

– Что случилось? – спросил я его.

– Да опять гроб! Чорт бы его побрал! – ответил он мне всердцах.

Наконец мы сошлись и, чтобы не потерять друг друга, взяли за руки. Одиннадцатый гроб вывел меня из терпения.

– Стой, – сказал я Ноздрину. – Давай устраиваться на ночь. Дальше не пойдем.

Мы сняли с себя ружья и прислонили их к дереву, затем принялись ломать сухие сучья. Один сучок упал на землю. Я наклонился и стал искать его у себя под ногами. Случайно рукой я нащупал большой кусок древесного корья.

Опыт страннической жизни научил меня всегда держать при себе засмоленную баночку со спичками и обломками

целлулоида. Ноздрин нашел где-то бересту. Сунув под нее кусочек целлулоида с гребенки, он чиркнул спичкой, и тотчас желтоватое пламя взвилось тонким длинным языком. Я держал над огнем корье, чтобы его не заливало дождем, пока Ноздрин сверху накладывал сухие сучки и смолье, которое случайно оказалось на стволе растущей поблизости старой пихты. Когда костер разгорелся, мы увидели в непосредственной близости от себя целую гробницу, прикрытую сверху двускатной крышей из древесного корья. Точно сговорившись, мы стали разводить огонь около самого гроба. Когда он так же разгорелся, как и первый, мы перенесли в него весь жар и головешки от первого костра. Потом Ноздрин поправил крышу гробницы, там, где она немного обвалилась и протекала. Затем мы стали устраиваться для ночлега. Стрелок снял с гроба два куса берестяной покрывки; я положил их на еловые ветки, устроив таким образом сухое ложе. Мы с Ноздриным сидели лицом к огню, я – с правой стороны гроба, он – с левой. Покойник лежал тоже головой к огню. Гроб выдвигался немного вперед и разделял нас настолько, что мы вынуждены были нагибаться, чтобы видеть друг друга. Под крышей гробницы, согреваемые теплом костра, мы почувствовали себя счастливыми.

Как немного надо человеку и как растяжимо понятие о комфорте!

После полуночи дождь начал стихать, но небо по-прежнему было морочное. Ветром раздувало пламя костра. Вокруг

него бесшумно прыгали, стараясь осилить друг друга, то яркие блики, то черные тени. Они взбирались по стволам деревьев и углублялись в лес, то вдруг припадали к земле и, казалось, хотели проникнуть в самый огонь. Кверху от костра клубами вздымался дым, унося с собою тысячи искр. Одни из них пропадали в воздухе, другие падали и тотчас же гасли на мокрой земле.

Мы с Ноздриным сняли с себя верхнее платье и повесили его под крышей гробницы, чтобы оно просохло. Всю ночь мы сидели у костра и дремали, время от времени подбрасывая дрова в огонь, благо в них не было недостатка. Мало-помалу дремота стала одолевать нас. Я не сопротивлялся ей, и скоро все покончил глубоким сном.

Проснулся я оттого, что прозяб.

Светало. Дождь совсем перестал, и ветер совершенно стих. Густой туман заполнял весь лес. С деревьев падали на землю редкие крупные капли. Листва и трава казались неподвижными. От почти погасшего костра кверху подымалась тонкая струйка дыма. Ноздрин спал на левом боку. Я подбросил дров в огонь и разбудил его. Мы погрелись, обулись и стали осматриваться. Оказалось, что кладбище, на котором мы ночевали, состояло всего только из трех гробов. Значит в темноте мы все время кружили по одному и тому же месту, постоянно натываясь на эти три гроба.

В это время потянул слабый ветерок. Туман пришел в движение, и тогда шагах в четырехстах впереди мы увидели

орочское селение Дата.

Смерч около устья реки Тумнин

После недавней бури в природе воцарилась полная тишина, хотя небо больше, чем вчера, было покрыто тучами. В виде темной скатерти они неподвижно повисли над морем; на запад, в глубь материка, серо-свинцовое небо простиралось насколько хватал глаз. Лохматые тучи стояли над землею так низко, что все сопки, как срезанные под один уровень, имели вид разобщенных между собою столовых гор. Свежевыпавший снег толстым слоем, словно капюшоном, прикрыв юрты туземцев, опрокинутые вверх дном лодки, камни, пни, оставшиеся от порубленных недавно деревьев, и валежник на земле. Однако белоснежный убор земли не придавал ландшафту веселого и праздничного вида. В темном небе, в посиневшем воздухе, хмурых горах и в черной, как деготь, воде чувствовалось напряжение, которое чем-то должно было разрядиться.

Я взял лодку и переехал на другую сторону реки Улики. Перейдя через рощу, я вышел к намывной полосе прибоя.

Абсолютный штиль был в море. Даже трудно представить его себе в таком спокойном состоянии: ни малейшего всплеска у берега, ни малейшей ряби на его гладкой поверхности. Большой мыс Лессепс-Дата, выдвинувшийся с северной стороны в море, с высоты птичьего полета должен был казаться громадным белым лоскутком на темном фоне во-

ды, а в профиль его можно было принять за чудовище, которое погрузилось наполовину в воду и замерло, словно прислушиваясь к чему-то. И море и суша были безмолвны, безжизненны и пустынно. Белохвостые орланы, черные кармораны, пестрые каменушки и белые чайки – все куда-то спрятались и притаились.

Я пошел вдоль берега навстречу своему спутнику, который тоже спешил мне навстречу и озабоченно смотрел куда-то в море.

– Куда вы торопитесь? – спросил я его.

– Пароход идет, – сказал он, указывая рукой в сторону Советской гавани.

Я оглянулся и увидел столб дыма, поднимающийся из-за мыса, отделяющего бухту Чжуанка от бухты Дата. Сначала я тоже подумал, что это дым парохода, но мне показалось странным, что судно держится так близко к берегу, да, кроме того, ему и незачем заходить за этот мыс.

Потом меня удивило вращательное движение дыма, быстрота, с которой он двигался, и раскачивание его из стороны в сторону. Темный дымовой столб порой изгибался, утончался, опять делался толще, иногда разрывался и соединялся вновь.

Я терялся в догадках и не мог дать объяснение этому необычайному явлению. Когда же столб дыма вышел из-за мыса на открытое пространство, я сразу понял, что вижу перед собой смерч. В основании его вода пенилась, как в котле.

Она всплескивалась, вихрь подхватывал ее и уносил ввысь, а сверху в виде качающейся воронки спускалось темное облако.

Из-за мыса смерч вышел тонкой струйкой, но скоро принял большие размеры, и по мере того, как он увеличивался, возрастала быстрота его вращения и поступательное движение на северо-восток. Через несколько минут он принял поистине гигантские размеры и вдруг разделился на два смерча, двигавшиеся в одном направлении к острову Сахалину.

Спустя некоторое время они снова стали сходитьсь. Тогда небо выгнулось, а вода вздулась большим пузырем. Еще мгновение, и смерчи столкнулись. Можно было подумать, что там взорвалась громадная мина. В море поднялось гигантское волнение, тучи разорвались и повисли клочьями, и на месте смерчей во множестве появились вертикальные полосы, похожие на ливень. Затем они стали блекнуть, и нельзя было решить, что это – дождь или град падает в воду. Потом в море появилась какая-то мгла, заслонившая полосы, оставшиеся от смерчей.

Тучи, до сего времени неподвижно лежавшие на небе, вдруг пришли в движение. Темносерые с разлохмаченными краями, словно грязная вата, они двигались вразброд, сталкивались и поглощали друг друга. Ветер, появившийся сначала в высших слоях атмосферы, скоро спустился на землю, сначала небольшой, потом все сильнее и сильнее. Небо стало быстро очищаться.

Сделав необходимые записи в дневник, я отправился к старшине Антону Сагды. У него я застал несколько человек орочей и стал их расспрашивать о смерчах. Они сказали мне, что маленькие смерчи в здешних местах бывают осенью, но большие, вроде того, который я наблюдал сегодня, – явление чрезвычайно редкое. Орочи называют его сагды сюи.

Старшина рассказал мне, что однажды, в бытность его еще молодым человеком, он в лодке с тремя другими орочами попал в такой смерч. Он подхватил лодку, завертел ее, поднял на воздух и затем снова бросил на воду. Лодка раскололась, но люди не погибли. Помощь оказали другие лодки, находившиеся поблизости.

Касатка-Тэму

Обойти «непропуск» оказалось не так-то легко. Мы лезли в гору, пробирались сквозь густые заросли и обходили осыпи; местами крутизна принуждала нас взбираться еще выше и долго идти косогором. Судя по времени и пройденному расстоянию, «непропуск» должен был быть уже сзади. Теперь начался спуск, сначала крутой, но потом он сделался положе. Я полагал, что мы скоро выйдем к морю, но ошибся. Сквозь просветы между деревьями уже виднелась вода и слышался шум прибоя, как вдруг совершенно неожиданно опять оказался обрыв и на этот раз совершенно отвесный. По краю его мы дошли до оврага. Это обходное движение отняло у нас много времени. Спуск в овраг был очень крут и загроможден большими камнями. Глубокие ямы по руслу его, замаскированные травой, представляли настоящие ловушки. Туземцы двигались медленно, разбирая траву руками и, несмотря на это, часто падали и ушибались. Овраг, по которому мы спускались, оказался длинным. Но вот кустарники стали редеть; в лицо повеяло сыростью и запахом моря. Еще несколько шагов, и мы все разом вышли на намывную полосу прибоя.

Свежий юго-восточный ветер гнал к берегу волны. Они зарождались далеко там, где небо сходится с землею, и шли в стройном порядке, не сталкиваясь и не обгоняя друг друга.

Ветер срывал с их гребней белую бахрому и мелким дождем разносил ее по морю. Со стороны казалось, будто волны дымятся. Как раз против оврага из воды торчали два больших камня. Один из них был похож на каравай хлеба, другой – на гигантскую жабу, обращенную головой к югу. Волны с шумом разбивались о них. На мгновение жаба пропадала, но вслед за тем из белой пены опять появлялась ее голова на том же месте. Вода каскадом сбегала с ее спины, но тотчас ее накрывала другая волна, за ней третья. Это было какое-то тупое соревнование между неподвижной каменной жабой и морской водою, нападающей на берег.

Горная порода, вынесенная из оврага и разрушенная морским прибоем, превратилась в гравий и образовала широкую отмель. Вода взбегала на нее с сердитым шипеньем и тотчас уходила в песок, оставляя после себя узенькую полоску пены, но следующая волна подхватывала ее и бросала на отмель дальше прежнего.

Шагах в полтора от камней, на прибрежной гальке, у самого края воды лежала какая-то большая темная масса. От ударов волн она вздрагивала и колыхалась. Иногда она подымалась немного кверху, но каждый раз, как только волны отходили назад, она снова сползала к морю. Это было что-то грузное, рыхлое, мягкое. Как только мы спустились из оврага, с нее снялось несколько птиц, в числе которых были и вороны. Несомненно, это был морской зверь, выброшенный волнами на берег. Мы тотчас направились к нему. Оба ту-

земца шли впереди, а я несколько отстал. Вдруг они остановились, стали всматриваться в темную массу и затем бросились назад. На лицах их был написан испуг. Не зная в чем дело, я тоже остановился и приготовил ружье, но убедившись, что животное мертво, подошел к нему вплотную. Это оказалась касатка – самое свирепое из морских чудовищ, наводящее ужас на всех зверей и рыб. Даже акула от нее убегает и в страхе выбрасывается на отмель.

Я обошел мертвое животное кругом. Большое веретенообразное тело ее было покрыто темной кожей, к которой во многих местах прикрепились раковины усонюгих. Оно имело в длину около шести метров и оканчивалось хвостовыми плавниками, как у всякого китообразного. Брюхо ее было грязно-белого цвета; два небольших боковых плавника находились недалеко от головы, а на спине, кроме того, выдавался еще огромный треугольный плавник. Небольшая голова, но громадная пасть, вооруженная многочисленными острыми зубами, маленькие глаза с светлыми пятнами позади их, в которых застыло выражение жестокости и злобы, придавали ей действительно страшный и отталкивающий вид. По-видимому, касатка давно уже подохла; туша начала разлагаться и издавала зловоние.

В это время я услышал крики. Я оглянулся и у входа в овраг увидел туземцев, делающих мне какие-то знаки. Когда я подошел к ним, они тревожно стали говорить о том, что мертвый зверь есть «Тэму» – грозный хозяин морей, и по-

тому надо как можно скорее уходить отсюда. Человека, который позволит себе подойти к Тэму, да еще тронуть его, непременно постигнет страшное несчастье... Я стал говорить, что касатка мертва и потому совершенно неопасна, но они ответили мне, что Тэму может прикидываться мертвым, оставлять на берегу свою внешнюю оболочку, превращаться в наземных зверей и даже в неодушевленные предметы. Они ни за что не хотели дальше идти берегом моря и предпочитали вновь карабкаться в горы. Напрасно я приводил им всякие резоны; они оставались непреклонны.

Тогда я условился, что буду ждать их около второго мыса. Мы расстались; туземцы пошли назад по оврагу, а я по намывной полосе прибоя. Как и надо было ожидать, к указанному мысу я пришел раньше их часа на два.

С закатом солнца ветер засвежел, небо покрылось тучами, и море еще более взволновалось. Сквозь мрак виднелись белые гребни волн, слабо фосфоресцирующие. Они с оглушительным грохотом бросались на берег. Всю ночь металось море, всю ночь гремела прибрежная галька и в рокоте этом слышалось что-то неумолимое, вечное.

Рано утром один из стрелков ходил на охоту за нерпами. Возвратясь, он сообщил, что бурей ночью мертвую касатку снова унесло в море. Я не придавал его словам никакого значения, но орочи нашли это вполне естественным: Тэму вернулся, принял свой обычный вид и ушел в свою родную стихию.

После полудня ветер начал стихать, и море стало успока-

иваться; вместо волн с острыми гребнями появилась мертвая зыбь. Незадолго до сумерек мы пошли собирать дрова. Вдруг один удэхеец что-то закричал. Я обернулся и увидел недалеко от берега большой черный плавник, быстро рассекающий воду. Это была касатка-гладиатор. Она дважды прошла вперед и назад, затем остановилась и встала к нам головой так, что плавник ее сделался похожим на палку. Касатка то опускалась вглубь, то снова всплывала на поверхность воды, порой она совсем близко подходила к берегу и вдруг бросалась назад, издавая какие-то странные звуки, похожие на грузные вздохи или заглушённое мычание.

Когда на западе угасли отблески вечерней зари и ночная тьма окутала землю, удэхейцы камланили. Они притушили огонь. Один из них накрыл себе голову полотенцем и, держа в руках древесные стружки, произносил заклинания, а другой взял листочек табаку, несколько спичек, кусочек сахара и сухарь и все побросал в море, Это было жертвоприношение.

Змеиная свадьба

Солнце только что перевалило за полдень. Жара стояла невыносимая. Был один из тех знойных июльских дней, когда нагретая солнцем земля не успевает за ночь излучить тепло в мировое пространство, а на другое утро, накапливает его еще больше, и от этого становится невыносимо душно. Сегодня было как-то особенно «глухо». Солнце палило немилосердно и так нагревало камни на берегу, что от прикосновения к ним обнаженной рукой получалось впечатление ожога. Солнечные лучи отражались от воды ослепительными бликами, так что больно было смотреть. Все птицы и звери попрятались от зноя. Глубокая тишина в природе нарушалась только однообразно монотонным шумом воды в реке, да жужжанием насекомых. И чем сильнее пекло солнце, тем больше они проявляли жизни. Одни из них летали, другие бегали по песку, третьи взбирались по цветковым растениям как бы для того, чтобы убедиться, все ли здесь в порядке. Достигнув вершины, они тотчас поворачивались и начинали спуск по стебельку или, расправив жесткие надкрылья, вдруг снимались с места и перелетали на другое растение, где торопливо начинали тот же осмотр. Я долго следил за ними. Их было так много: больших и малых, ярко окрашенных и мало заметных, изящных и безобразных, некрасивых, всевозможных форм, простых или представляющих из

себя настоящих чудовищ в миниатюре. Внимание мое привлекли какие-то насекомые из семейства жужелиц. Они бегали по песку и иногда замирали в неподвижной позе, вдруг делали прыжки и, схватив какое-нибудь насекомое, тут же принимались пожирать его с жадностью. Это очень хищные, прожорливые и осторожные жуки, пестро окрашенные, с выпуклыми глазами и сильными челюстями. При малейшем намеке на опасность они тотчас поднимались на воздух и мгновенно исчезали из виду.

В это время ко мне подошел Ноздрин и напомнил, что мы с ним собирались к мысу Чжуанка. Покончив с насекомыми, я взял свое ружье и отправился с ним вдоль берега, имея намерение осмотреть береговые обнажения. Здесь у подножия валялось много угловатых обломков различной величины — от метра в кубе до размеров человеческой головы, с острыми краями и заросших грубой осокой и каменной полынью. На высоте двух метров от подножья скала имела длинный карниз. Я подошел к нему вплотную и стал высматривать, где можно было бы на него взобраться. В это время в поле моего зрения на самом краю выступа, как мне показалось, мелькнул какой-то небольшой предмет, величиной с наперсток. Мелькнул и пропал... Я уже хотел было схватиться руками за край выступа, как опять показался тот же небольшой продолговатый предмет, но уже в другом месте. На этот раз я успел рассмотреть его лучше. Он был на длинной ножке. Это меня заинтересовало, и я удвоил внимание. Мину-

ты через две на самом краю обрыва опять увидел два таких предмета. Один сразу скрылся, а другой остался неподвижным. И вдруг мне стало ясно. Из верхнего конца «предмета» на стебельке высунулся темный вилообразный язычок змеи. Невольно вскрикнув, я поспешно отдернул свои руки прочь от камней. Я отодвинулся от выступа шага на два, а Ноздрин пошел искать, нельзя ли взобраться на карниз где-нибудь в другом месте. Поиски его увенчались успехом. Я видел его идущим вдоль карниза и крикнул, чтобы он был осторожней. Ноздрин замедлил шаг и внимательно стал смотреть себе под ноги. Немного не доходя до места, где я видел змей, он вдруг остановился. По выражению его глаз я видел, что он сосредоточил свое внимание на чем-то страшном и неприятном.

– В чем дело? – спросил я его.

– Да тут змей много, и все они в куче, – ответил стрелок.

– Будь осторожен; не трогай их, – сказал я Ноздрину, снова подходя к обрыву.

Отступив немного назад, он протянул мне руку, и я без труда взобрался на уступ, где увидел большую расщелину, идущую наискось вдоль террасы; одной стороной она близко подходила к самому краю террасы. Расщелина была длиной более метра и шириною в 12 сантиметров. Судя по тому, что верхние края ее круто падали внутрь, надо полагать, что она была глубиною около полуметра. Вся она доверху была наполнена змеями. Плоские головки их ромбовидной формы, пестрый рисунок на теле, короткие шеи и хвосты и злобное

выражение глаз с щелевидными зрачками указывали на то, что все это были ядовитые змеи. Они сплелись в большой клубок, так что трудно было сказать, которой из них принадлежала та или иная часть тела. Змеи едва шевелились; время от времени они поднимали свои головки и высовывали язычки. Их-то я и видел, когда стоял внизу у подножья карниза.

В это время на краю щели появился большой черный муравей. Он спустился внутрь на одну из змей и взобрался ей на голову. Муравей лапками коснулся глаза и рта пресмыкающегося, но оно чуть только показало язычок. Муравей перешел на другую змею, потом на третью – они, казалось, и не замечали присутствия непрошенного гостя.

Тогда Ноздрин потрогал змей палкой. Я думал, что они разбегутся во все стороны, и готовился уже спрыгнуть вниз под обрыв, но, к удивлению своему, увидел, что они почти вовсе не реагировали на столь фамильярное, к ним отношение. Верхние пресмыкающиеся чуть шевельнулись и вновь успокоились. Стрелок тронул их сильнее. Эффект получился тот же самый. Тогда он стал бросать в них камнями, но и это не помогло вывести их из того состояния неподвижности, лени и апатии, в которой они находились.

Было неприятно смотреть на расщелину, буквально заполненную змеями, которые к тому же издавали какой-то особый специфический запах.

Когда мы возвратились на бивак, Ноздрин стал рассказы-

вать своим товарищам о том, что видел. Стрелки хотели идти туда и обварить змей кипятком, но я отсоветовал им делать это и объяснил, что пресмыкающиеся всегда собираются в клубки для копуляции, во время которой оплодотворяются самки. Весь вечер казаки и стрелки говорили про змей. У каждого было что вспомнить. Чжан-Бао говорил, что они могут превращаться в людей. Ороч Намука сказал, что по словам Кяка (удэхейца), где-то живет тоже большая змея Модуми, которая может изо рта изрыгать пламя, а гольд Косяков с таинственным видом сказал, что у них на Уссури был шаман, который водил за собою змей и давал им разные поручения в качестве посыльных. В заключение выступил Марунич. «Два года тому назад, – сказал он, – я увидел змею, свернувшуюся на песке. Я ударил ее палкой. Так что бы вы думали: она схватила зубами за эту самую палку». У него выходило так, что змея обнаглела до того, что осмелилась кусать тот предмет, который ей нанес удар по голове.

Часов в девять вечера с моря надвинулся туман настолько густой, что на нем, как на экране, отражались тени людей, которые то вытягивались кверху, то припадали к земле. Стало холодно и сыро. Я велел подбросить дров в огонь и взялся за дневники, а казаки принялись устраиваться на ночь.

На другой день мы продолжали наш путь. Когда лодки проходили мимо мыса Чжуанка, я, Ноздрин, Крылов и Чжан-Бао отправились посмотреть на змей, но расщелина оказалась пустой. Мы перевернули несколько больших кам-

ней у подножья карниза, но и тут ничего не нашли.

Ястреб и заяц

С вечера погода стала портиться, а к утру все небо уже покрылось серыми тучами. Вчера еще они шли поверх самых высоких сопок, а теперь спустились вниз. Тяжелые, лохматые, они двигались куда-то на юго-запад, взбирались по распадкам, обволакивали мысы и оставляли в поле зрения только подошвы гор. Тучи ползли медленно, окутывая в сумрак поверхность земли. В темном небе и в тишине, воцарившейся в природе, чувствовалось напряжение, которое вот-вот должно было разразиться жестокой бурей. Казалось, будто небесные стихии выжидали только удобного момента, чтобы всеми силами обрушиться на землю, но какие-то другие силы мешали им, и потому небо так хмурилось и грозило дождем.

Опасаясь, что дождь будет затяжным и в палатке придется сидеть, как под арестом, я решил, пока еще сухо, погулять по ближайшим окрестностям, не уходя далеко от бивака. Я пошел по тропе, протоптанной медведями, но скоро ее потерял; тогда я направился целиною к соседним холмам.

Взобравшись на вершину одного из них, я увидел за перевалом длинный пологий склон, покрытый травянистой растительностью и кустарниковой ольхой по ложбинкам, служившим для стока дождевой воды. Слева в виде длинной зубчатой развалившейся стены протянулся горный кряж,

слагающийся из гранитных утесов, а справа – широкая долина, по которой извивалась речка, а за ней стоял хмурый елово-пихтовый лес. Я прошел с полверсты и хотел было уже повернуть назад, как вдруг что-то мелькнуло в отдалении и низко над землей, потом еще раз, еще, и вслед за тем я увидел какую-то небольшую хищную птицу, которая летела низко над землей и, по-видимому, кого-то преследовала. Такое заключение я сделал потому, что пернатый хищник летел не прямо, а зигзагами. Почти одновременно я увидел зайца, который со страху несся, не разбирая куда: по траве, мимо кустарников и по голым плешинам, совершенно лишенным растительности. Когда заяц поровнялся со мною, крылатый разбойник метнулся вперед и, вытянув насколько возможно одну лапу, ловко схватил ею свою жертву, но не был в состоянии поднять ее на воздух. Это не остановило зайца, и он побежал дальше, увлекая за собой своего врага. Хищная птица при помощи крыльев старалась сдержать зверька, однако это ей не удавалось. Тогда она, не выпуская из левой лапы своей добычи, правой на бегу стала хвататься за все, что попадалось по дороге: за стебли зимующих растений, и сухую траву, и прочее. Но они обрывались, и заяц с своим странным всадником на спине неслись дальше. Но вот на пути оказался ольховник. Когда они поровнялись с кустарником, пернатый хищник ловко ухватился за него. Ноги птицы растянулись, левая удержала зайца за спину, а правая вцепилась в корневище. Заяц вытянулся и заверещал. Тогда ястреб, я теперь

мог его хорошо рассмотреть, подтянул зверька к ольховнику и нанес ему два сильных удара клювом по голове. Заяц затрепетал. Скоро жизнь оставила его. Только теперь хищник выпустил корень и обеими ногами взобрался на свою жертву. Он оглянулся, расправил свой хвост, оглянулся еще раз, затем взмахнул крыльями и поднялся на воздух. Ястреб полетел к лесу вместе с добычей. Две вороны тотчас полетели за ним следом. Они знали, что после завтрака ястреба и им кое-что перепадет. Среди птиц вороны играли роль шакалов. Так же как и последние, они питаются падалью и остатками от трапезы сильных хищников.

Бой орланов в воздухе

После завтрака я взял свое ружье и пошел осматривать долинку, в которой мы встали биваком. С утра погода стояла великолепная: на небе не было ни единого облачка, солнце обильно посылало свои живительные лучи, и потому всюду на земле было так хорошо – по-праздничному. Кустарниково- и травяная растительность имела ликующий вид; из лесу доносились пронзительные крики. дятлов, по воздуху носились шмели, порхали бабочки...

Обойдя небольшое болотце, я нашел зверовую тропу, протоптанную, должно быть, медведями, которая привела меня на старую гарь, заваленную колодником, заросшую ерником и ежевикой.

С утра я неладно обулся, что-то жесткое попало мне под подошву и мешало ступать. Я стал на первую попавшуюся валежину и стал переобуваться. Вытряхнув из обуви посторонний предмет, я снова оделся, и только хотел было встать, как вдруг увидел белохвостого орлана.

Распластав свои сильные крылья, он летел мне навстречу, направляясь к лиственнице, растущей посреди небольшой полянки. Описав около меня большой круг, он ловко, с наскока, уселся на одну из верхних ветвей и сложил свои крылья, но тотчас приподнял их немного, расправил и сложил снова.

Орлан оглянулся по сторонам и затем нагнул голову вниз.

Тут только я заметил в лапах у него какой-то предмет, но что именно это было – за дальностью расстояния – не было видно. Вдруг сзади и немного влево от меня послышался крик, какой обыкновенно издают пернатые хищники. Орлан насторожился. Он нагнул голову, дважды кивнул ею и раскрыл свой могучий желтый клюв. Оперение на шее у него поднялось. В этом виде он действительно оправдывал название царя птиц.

В это мгновение я увидел другого орлана, направляющегося к той же лиственнице. Царственный хищник, сидевший на дереве, разжал лапы и выпустил свою жертву. Небольшое животное, величиною с пищуху, полетело вниз и ударилось о землю с таким шумом, с каким падают только мертвые тела.

Затем орлан сорвался с ветки и стремительно полетел по наклонной плоскости, забирая влево и стараясь как можно скорее выравняться с противником. Другая птица, что была выше него, начала трепетать крыльями, чтобы задержаться на одном месте, но потом вдруг стремительно кинулась на своего врага, промахнулась и так снизила, что едва не задела меня своим крылом.

Теперь оба орлана были на одном уровне. Они описывали спиральные круги, быстро сближаясь, и вдруг бросились друг другу навстречу. Птицы приняли в воздухе вертикальное положение, они неистово хлопали крыльями и издавали пронзительные крики, которые можно было бы назвать квохтаньем. Сцепившись, они рвали друг у друга тело ког-

тями, разбрасывая перья по сторонам. Естественно, что во время боя оба орлана стали падать, и, когда крылья их коснулись травы, они вновь поднялись на воздух, описав небольшие круги, и вторично сцепились в смертельной схватке.

На этот раз я заметил, что они работали не только лапами, но и клювами. Опять посыпались перья. Теперь я уже не знал, который из орланов сидел на дереве и который прилетел отнимать добычу, – оба они были одинаковой величины и имели тождественное оперение. При третьей схватке у одной из птиц показалась на шее кровь, у другой было оголено и расцарапано брюхо. У обоих были потрепаны крылья и поломаны маховые перья. Орланы стали кружиться, и тот, которому удавалось подняться выше, старался нанести удар своему противнику сверху. Нижний орлан ловким движением крыла уклонялся от нападения врага и, пользуясь промахом, сам переходил в наступление, но тоже падал книзу. Так, меняясь местами, они спускались все ниже и ниже, пока вновь не достали земли. Потом они разлетелись в стороны и начали парить, стараясь занять по отношению друг к другу командное положение и вместе с тем удалялись от места поединка. Раза два они еще показались за деревьями и, наконец, скрылись совсем.

Тогда я решил посмотреть, что было в лапах у первого орлана. Когда я подходил к лиственнице, мне показалось, что кто-то бросился в заросли, но я не успел разглядеть, кто именно.

Тщетно я искал оброненную орланом добычу – она исчезла. Мне стало ясно, что какой-то другой хищник, на этот раз четвероногий, быть может колонок, соболь или лисица, воспользовался суматохой и подобрал лакомый кусок.

Забросив ружье за плечо, я пошел по левому нагорному краю долины. Выбрав место поположе, я поднялся к одной из ближайших седловин на хребтике и сел здесь отдохнуть.

Через минуту я опять услышал шум и увидел одного из только что дравшихся орланов. Он сел на коряжину недалеко от меня, и потому я хорошо мог его рассмотреть. В том, что это был именно один из забияк, я не сомневался. Испорченное крыло, взъерошенное оперение на груди и запекшаяся кровь с правой стороны шеи говорили сами за себя.

Сильно уставший, победитель или побежденный, он сидел теперь с опущенными крыльями, широко раскрытым клювом и тяжело дышал. С четверть часа, если не больше, отдыхал орлан. Потом он стал клювом оправлять перья в крыльях, выбрасывая испорченные, и приводить в порядок свой наряд на груди. Этой процедурой он занимался довольно долго. Я сидел и терпеливо наблюдал за ним и не шевелился.

Посидев еще спокойно несколько минут, орлан снялся и полетел на место боя. Он сел на ту же листовницу, на то же место и стал смотреть вниз. Затем он опустился на землю и, не найдя там ничего, снова поднялся на воздух и полетел вверх по долине за новой добычей.

В это мгновение у ног моих шевельнулся сухой листик,

другой, третий... Я наклонился и увидел двух муравьев – черного и рыжего, сцепившихся челюстями и тоже из-за добычи, которая в виде маленького червячка, оброненная лежала в стороне. Муравьи нападали друг на друга с такой яростью, которая ясно говорила, что они оба во что бы то ни стало хотят друг друга уничтожить.

Я так был занят муравьями, что совершенно забыл о червячке и когда посмотрел на то место, где он лежал, его уже не было там видно. Поблизости находилось маленькое отверстие в земле, и я увидел как его утащило туда какое-то насекомое вроде жужелицы. Когда я вновь перевел взгляд на место поединка, то увидел одного только рыжего муравья. Он суетился и, видимо, искал оброненную личинку, но не найдя ее, отправился за новой добычей.

Меня поразила аналогия: два события – одно в царстве пернатых, другое из царства насекомых – словно нарочно были разыграны по одному и тому же плану. Тогда я вспомнил весьма обычные драки собак из-за кости, причем третья собака, не принимавшая участия в свалке, пользуется всегда случаем и уносит лакомую кость. Это и есть борьба за жизнь. У всякого живого существа есть две цели жизни. Первая – поддержание собственной жизни и вторая – оставление после себя потомства, и потому все живые существа ведут борьбу за обладание питанием и за обладание матками. Природа хорошо позаботилась о продолжении видов.

Птичий базар

Удивительные вещи увидели мы на птичьем базаре.

Читатель должен представить себе высокую скалу, отвесными обрывами падающую в море. Горная порода, из которой она состоит, расположилась горизонтальными слоями. Под влиянием атмосферных факторов скала подверглась частичному разрушению. Во многих местах она выветрилась и обвалилась в море, вследствие чего по всему обрыву, от верха до самой воды, образовалось множество карнизов различной длины и ширины. Одни из них были длинными и узкими, другие, наоборот, – короткими и широкими, одни выклинивались и сходили на нет, другие обрывались в самом начале или располагались правильными ступенями. Местами над морем нависли большие плоские глыбы, которые каким-то чудом держались на весу, некоторые из них имели вид полок гигантской этажерки, подпираемых снизу громадными кронштейнами.

В одном месте как-то странно вывалился целый пласт и образовалась длинная галерея, замкнутая с трех сторон и открытая со стороны моря. И все эти карнизы, все трещины, все углубления были заняты бесчисленным множеством птиц разной величины и разной окраски.

Самые нижние карнизы занимали кармораны. Несмотря на свой мрачный характер, они любят гнездиться больши-

ми обществами. Как на выставке, сидели они чинно в ряд и с беспокойством поглядывали на наши лодки. Среди массы белых испражнений, которыми был покрыт весь карниз, они довольно резко выделялись своим черным цветом. Тут же поблизости, частью вперемежку с карморанами или по соседству с ними небольшими группами, точно солдаты, вытянувшись в линию, сидели малые бакланы, оперение которых ярко отдавало сине-зеленым металлическим блеском. Если бы они не поворачивали голов для того, чтобы проводить нас глазами, их можно было бы принять за чучела, выставленные нарочно на Показ.

Повыше бакланов, но тоже недалеко от воды, устроились утки-каменушки, с окраской черного, коричневого и белого цветов. На фоне темно-бурой скалы, густо вымазанной гуано, они были бы мало заметны, если бы сидели неподвижно.

Трещины и углубления в камнях были заняты топорками – странными птицами величиной с утку, с темной общей окраской, белесоватой головой и уродливыми оранжево-зелеными клювами, за которые они получили название морских попугаев.

На самых верхних уступах помещались многочисленные чайки. Белый цвет птиц, белый пух и белый помет, которым сплошь были выкрашены края карнизов, делали чаек мало заметными, несмотря на общий темный фон скалы.

Большие чайки серого и белого цветов сидели вперемежку с грациозными клушами и не ссорились между собою,

только некоторые из них как бы переминались с ноги на ногу и немного передвигались в сторону. Иногда они сталкивались друг друга со скалы. Тогда упавшая птица отлетала немного, но тотчас старалась вернуться на прежнее место или сесть рядом. Но больше всего на птичьем базаре было кайр, относящихся к семейству чистиков. Их было бесчисленное множество: каждый выступ, каждое углубление, можно сказать, каждая пядь карниза, где хоть мало-мальски можно было присесть для высиживания яиц, – все было занято этими остроклювыми птицами с темносеро-бурым оперением. Несмотря на то, что мы проходили очень близко к скале, все птицы сидели крепко и не хотели покидать своих мест. Только некоторые бакланы слетали, но видя, что никто не следует их примеру, тотчас возвращались обратно.

Миновав утесы, мы свернули в небольшую бухточку и, как всегда, встали биваком на намывной полосе прибоя, где было достаточно плавника, высушенного солнцем и ветрами.

На другой день была назначена дневка. Я решил воспользоваться свободным временем и посетить птичий базар.

Со стороны суши подойти к нему было нетрудно. Некоторые карнизы загибались в долинку и были вполне доступны, без риска сорваться и получить ушибы. Я взобрался по ним, как по лестнице, иногда опираясь на колено и хватаясь руками за выступ скалы. Здесь так много было кайр, что я должен был двигаться с большой осторожностью, чтобы не задевать их ногами. Как-то странно было видеть птиц в непо-

средственной близости, которые не выказывали ни малейшего беспокойства и не делали никаких попыток улететь или отодвинуться в сторону. Кайры сидели на земле сплошной массой и все были обращены головами к морю. Они высиживали яйца, причем гнезда их были устроены на камнях без всякого укрытия сверху. Эти глупые птицы совершенно не смущались моим присутствием; даже в тех случаях, когда я протягивал руку, чтобы дотронуться до них, они только оборонялись клювами, не подымаясь с места.

В это время справа от меня я увидел ворону, потом еще двух. Они садились на свободные камни и быстро осматривались по сторонам и часто перелетали с места на место. Я заметил, что вороны сопровождали меня и все время следовали за мной по пятам. Сначала я не обращал на них внимания, но потом это стало меня изводить. Я никак не мог понять, что им от меня нужно. Раза два я бросал в них камнями. Хитрые птицы караулили мои движения, и только я нагибался за камнем или замахивался рукой, как они предупреждали меня и вовремя поднимались в воздух, но тотчас опять садились по соседству и иногда даже ближе, чем раньше.

Так, пробираясь по карнизам, я скоро попал в самую гущу кайр. Очень часто мне приходилось ставить ногу совсем вплотную к какой-нибудь птице, и лишь тогда она откидывала немного голову назад и с некоторого отдаления, как бы с недоумением, рассматривала большой и незнакомый ей

предмет. Я нагнулся, взял одну кайру в руки и поднял ее кверху. Тотчас откуда-то сбоку появилась ворона. В мгновение ока она схватила единственное в гнезде яйцо и полетела вдоль террасы. Теперь я понял, почему так настойчиво следовали за мной черные пернатые воробьи. Они отлично знали, что, сопровождая человека по птичьему базару, легко можно будет полакомиться яйцами, надо только не отставать. Поступок вороны так возмутил меня, что я выпустил из рук кайру и снял с плеча ружье. Я выстрелил в ту ворону, которая с яйцом в клюве только что уселась на краю соседней террасы. Звук выстрела подхватило гулкое эхо. Тысячи птиц с криками поднялись на воздух. Они буквально затмили солнце. В это время я опять увидел ворон. Та, что была ближе, только что украла чье-то яйцо. Она расколола его своим сильным клювом. Из яйца вывалился почти высиженный, совершенно голый цыпленок. Ворона разорвала его и съела, потом она схватила второе яйцо и улетела. Мало-помалу бакланы, топорки, каменушки, чайки и кайры стали успокаиваться и возвращаться на свои места. Я тогда решил не тревожить их больше и двинулся назад по карнизу.

Уже смеркалось, когда я подходил к биваку. На фоне светлого неба темной массой выделялся птичий утес, где тысячами собрались пернатые, чтобы вывести птенцов, научить их плавать, летать, добывать себе пищу, которые в свою очередь и на том же самом месте тоже будут выводить себе подобных. Кто знает, скольким поколениям эта скала уже дала

приют и сколько еще поколений будут считать ее своей родиной. Вечерняя заря угасла, и только узенькая багровая полоска на горизонте показывала место, где скрылось солнце. Ночная тьма властно вступала в свои права, а вверху в беспредельной высоте зажглись таинственные светила, из века в век расположенные в созвездия.

Огонь на биваке разгорался все ярче и ярче.

На другой день мы все встали поздно. После завтрака казак Крылов отправился на птичий базар. Ему как-то не верилось, что птицы в гнездах сидят так крепко и не улетают даже тогда, когда их трогают руками. Я рассказал ему, как попасть на среднюю террасу, где было больше всего чистиков. Казак взял ружье и направился вдоль берега. Когда он стал приближаться к птичьему базару, с одного из кустов снялась ворона и полетела ему вдогонку. Она как-то странно кричала курлы, курлы. Тотчас ей ответили еще две вороны. Одна появилась со стороны нашего бивака, другая вылетела из леса, и обе они тоже пустились за казаком. Черные вороны не старались его обогнать. Они сели на камни около береговых обрывов ожидая, когда человек пройдет мимо них. Часа через полтора Крылов вернулся и сообщил, что ночью птичий базар посетил медведь. Казак нашел его следы; много разоренных гнезд и раздавленных яиц, которыми лакомился ко-солапый.

Охота на лосей

Погода нам благоприятствовала. День выпал на редкость теплый, было даже жарко. Солнце сильно припекало. Лучи его отражались от гладкой и спокойной поверхности воды и утомляли зрение. Мы плыли вдоль берега моря в таком от него расстоянии, чтобы одним взором можно было охватить всю толщу обнажений сверху донизу. С некоторого расстояния были видны ясно и отчетливо сдвиги, слоистость горных пород, изгибы их, синклинали и антиклинали. Распадки между гор, ущелья тоже удобнее обозревать с некоторого отдаления. Мои спутники, и в особенности орочи, тоже осматривали берег, но в виду имели совсем другое. Они выискивали следы зверей, которые в первые дни путешествия, когда путь пролегал по безлюдной местности, попадались во множестве.

Время было весеннее. Лодка шла вдоль берега и попадала то в полосы прохладного морского воздуха, то в струи теплого, слегка сыроватого ветерка, дующего с материка. Яркое июньское солнце обильно изливало на землю теплые и жизнедеятельные лучи свои, но по примятой прошлогодней траве, по сырости и полному отсутствию листвы на деревьях видно было, что земля только что освободилась от белоснежного покрова и еще не успела просохнуть как следует.

На южных склонах прибрежных гор и на намывной поло-

се прибоая все же кое-где появилась свежая растительность, которая и могла послужить приманкой для обитателей угрюмого хвойного леса – лосей и медведей, покинувших свои берлоги под корнями вековых деревьев.

И, действительно, часов в одиннадцать утра Копинка, стоявший на руле, вдруг как-то насторожился. Он уставился глазами в одну точку, пригнулся книзу и стал шопотом издавать звуки: ти-ти-ти-ти, что означало предупреждение не шевелиться и соблюдать тишину. Вслед за тем он стал быстро направлять лодку к берегу.

Я оглянулся и увидел двух лосей, мирно расхаживающих по берегу около самой воды. Что заставило их выйти на открытое пространство среди белого дня? Они не щипали морского горошка, который только что начал кое-где пробиваться, и не лизали камней, орошаемых соленой морской водой. Они просто ходили по берегу, иногда стояли неподвижно и лениво поглядывали на беспредельную ширь океана. Очевидно, лоси привыкли к тому, что сюда можно выходить во всякое время дня и ночи, чтобы понежиться на прохладном морском берегу, где нет докучливых, кровь сосущих насекомых.

Впереди, шагах в трехстах от берега, выдвигалась в море высокая гряда камней, около которых пенилась и шумела вода. Копинка налег на руль, и через две-три минуты эти камни заслонили от нас животных.

Как только лодка коснулась берега, оба ороча, Крылов и

Вихров схватили винтовки и выскочили в воду, за ними последовал Рожков; я вышел последним. Мы вдвоем с Рожковым принялись подтаскивать лодку, чтобы ее не унесло ветром и течением, а остальные люди побежали к камням. Скоро они взобрались на них и начали целиться из ружей. Три выстрела произошли почти одновременно. Затем они поспешно перебрались через гряду и скрылись из наших глаз.

Привязав лодку к концу бревна, погребенного в гальке, мы пошли туда, где были охотники. Когда мы взобрались на каменистый гребень, я увидел небольшую бухту с низким пологим берегом, поросшим хвойным лесом.

На песке, около самой воды, лежали оба лося и в предсмертных судорогах двигали еще ногами. Один из них подымал голову. Крылов выстрелил в него и тем положил конец его мучениям. Когда я подошел к животным, жизнь оставила их. Это были две самки; одна постарше, другая – молодая. Удачная охота на лосей принудила нас остановиться на бивак раньше времени.

Берег, как я уже сказал, был низкий, песчаный; тут же протекала небольшая речка с чистой прозрачной водой и валялось множество сухого плавника.

Я немедленно распорядился перевести сюда лодку. Стрелки пошли к камням, откуда они стреляли, а около лосей остался я и два ороча. Один из туземцев подошел к молодой самке и за ухо приподнял ее голову от земли. Из носа ее вывалилось несколько крупных личинок паутов. Они изгиба-

лись и делали такие движения, которые ясно указывали, что им не нравилось то положение, в которое они теперь попали. Я нагнулся к голове лося и заглянул в полость носа и там увидел множество личинок; они двигались в слизи, некоторые ползали во рту и по языку, который теперь безжизненно свесился в сторону. У другого лося тоже и рот и нос были полны таких же личинок. Эти отвратительные короткие, толстые, белые и жирные черви, по-видимому, выходили из животных не только через задний проход, но и через глотку. Лоси должны были кашлять и выплевывать их на землю, где они, вероятно, и окукливались.

Когда был вскрыт желудок старой лосихи и выброшено на землю его содержимое, я увидел, что стенки его находятся в каком-то странном движении. Присмотревшись поближе, я увидел, что вся внутренняя оболочка желудка сплошь покрыта присосавшимися личинками паутов. Некоторые из них отвалились, и на этих местах были красные пятнышки, похожие на ранки величиной с маленькую горошину. Множество личинок ползало по пищеводу, отсюда они и проникли в полости глотки и носа.

Как только внутренности были извлечены наружу, орочи отрезали печень и положили ее на весло около лодки. Вооружившись ножами, они стали крошить ее на мелкие кусочки и есть с таким аппетитом, что я не мог удержаться и сам попробовал кусочек печени, предварительно прополоскав его в воде. Ничего особенного. Как и всякое парное мясо, она

была теплая и довольно безвкусная. Я выплюнул ее и пошел к берегу моря.

В это время подошла лодка, и мы принялись разгружать ее. Затем стрелки и казаки начали устраивать бивак, ставить палатки и разделять зверей, а я пошел экскурсировать по окрестностям. Солнце уже готовилось уйти на покой. День близился к концу и до сумерек уже недалеко. По обе стороны речки было множество лосиных следов, больших и малых, из чего я заключил, что животные эти приходили сюда и в одиночку, и по несколько голов сразу.

По мере того, как я удалялся от моря, лес становился гуще, и я начал подумывать о том, не возвратиться ли обратно, но вдруг впереди увидел просвет. Это оказалась полянка и посреди нее небольшое озеро, через которое проходила наша речка. Дальше я не пошел и присел отдохнуть на одну из валежин.

Был тихий вечер. За горами, в той стороне, где только что спускалось солнце, небо окрасилось в пурпур. Оттуда выходили лучи, окрашенные во все цвета спектра, начиная от багряного и кончая лиловым. Радужное небесное сияние отражалось в озерке, как в зеркале. Какие-то насекомые крутились в воздухе, порой прикасались к воде, отчего она вздрагивала на мгновение, и тотчас опять подымались кверху.

Я стал прислушиваться к тихим таинственным звукам, которые всегда рождаются в тайге в часы сумерек; кажется, будто вся природа погружается в глубокий сон и пробуждается ка-

кая-то другая неведомая жизнь, полная едва уловимых ухом шопотов и подавленных вздохов.

Я уже хотел было встать, как вдруг до слуха моего донесся треск сучьев, и вслед за тем я увидел лося без рогов. По складу корпуса, по мощной шее и бороде я узнал в нем самца. Он быстро подошел к берегу озерка и стал пить воду. Один раз он сильно кашлянул – потому ли, что захлебнулся водой или потому, что личинки паутов раздражали ему горло. Я думал, что он, утолив жажду, сейчас же снова скроется в лесу, но лось смело вошел в воду сначала по колению, потом по брюхо, затем вода покрыла его спину, и на поверхности ее осталась только одна голова, а потом только ноздри, глаза и уши. Лось медленно передвигался с места на место, поворачивал головой то в одну, то в другую сторону, отчего большие уши его хлопали по воде и вздымали множество брызг. Известно, что лоси очень любят купаться. Лось минут через пять снова вышел на берег. Вода текла с него ручьями. Он сильно встряхнулся, сначала передом, потом задом, мотнул головой и зубами почесал свой бок и затем легкой рысцой направился к лесу.

Я не заметил, как ушло время.

Должно быть, солнце только что скрылось за горизонтом, потому что на западе по ту сторону гор зарделась вечерняя заря. Отдаленные мысы приняли сиреневую окраску. На утомленном небе кое-где замигали звезды. Я вспомнил, что теперь новолуние и поспешил на бивак. В лесу сразу стало

настолько темно, что я едва различал тропу, протоптанную медведями. Минут через двадцать я подходил к биваку. Около палатки горел огонь, а около него сидели мои спутники и варили лосиное мясо. У них шла оживленная беседа. Один что-то рассказывал, другие слушали. По выражениям их лиц я видел, что все в хорошем настроении. Тут же рядом сидели оба ороча. Они раскалывали трубчатые кости и с наслаждением глотали сырой костный жир. После ужина я заполнил свой путевой дневник и рано лег спать.

Гнездо филина

Вечером, сидя у огня, я беседовал с Сунцаем. Он сообщил мне, что долинка речки, где мы стали биваком, считается у удэгейцев нечистым местом, а в особенности лес в нижней части ее с правой стороны. Здесь обиталище чорта Боко, благодаря козням которого люди часто блуждают по лесу и не могут найти дорогу. Все удэгейцы избегают этого места, сюда никто не ходит на охоту и на ночлег останавливаются или пройдя или не доходя речки.

На другой день было как-то особенно душно и жарко. На западе толпились большие кучевые облака. Ослепительно яркое солнце перешло уже за полдень и изливало на землю горячие лучи свои. Все живое попряталось от зноя. Властная истома погрузила всю природу в дремотное состояние. Кругом сделалось тихо – ни звука, и даже самый воздух сделался тяжелым и неподвижным.

После обеда стрелки залезли в палатки и захрапели. Я тоже лег в тени дерева и пытался заснуть, но не мог: то появился комар и запел свою монотонно звенящую песню, то муравей влез на лицо и довольно больно ущипнул меня в щеку. Я хотел было заняться вычислением астрономических координат, но истома мешала сосредоточиться. Я встал, стряхнул с себя апатию и с ружьем в руках пошел вверх по долинке, окаймленной с обеих сторон невысокими холмами, покры-

тыми хвойно-смешанным лесом. За ними виднелись другие горы, а впереди в туманной мгле высился какой-то большой хребет, увенчанный гольцами.

Пройдя немного по берегу реки, я свернул в лес, где царило великое безмолвие и покой. Деревья точно окаменели, и казалось, будто листва на них давно замерла и уже больше не приходила в движение. Здесь было немного прохладнее, потому что солнечные лучи не могли пробить зеленую крону деревьев, перепутавшихся вверху своими ветвями. Пахло сыростью, гниющими остатками растений, удобряющих влажную землю. Это был старый и густой лес, полный сумрака и таинственной тишины, в которой слышатся едва уловимые ухом звуки, рождающие в душе человека тоскливое чувство одиночества и безотчетный страх.

Подлесок состоял из редких кустарников, главным образом из шиповника, березы Миддендорфа и сорбарии. Кое-где виднелись пионы и большие заросли грубых осок и папоротников. Почти все деревья имели коренастую и приземистую форму. Обнаженные корни их, словно гигантские лапы каких-то чудовищ, скрывающихся в земле, переплетались между собою как бы для того, чтобы крепче держаться за камни.

Большинство старых деревьев было дуплисто, с теневой стороны густо покрыто мхами вперемежку с лишайниками. Некоторые лесные гиганты, поверженные в прах, превратились в рухлядь. На гниющих телах их нашли себе приют дру-

гие растения. Только сучья погибших великанов, сотканые из более плотного материала, чем обычная древесина, продолжали еще сопротивляться всеокрушающему времени и наподобие нарочно вбитых в ствол клиньев торчали во все стороны из гнилого валежника.

Стволы сухостоев, лишеныые мелких веток, с болезненными наростами по сторонам были похожи на людей с вздутыми животами и с поднятыми кверху длинными руками, на людей, застывших в позах выражения сильного физического страдания, как на картинах Густава Доре – там, где изображаются мучения грешников в аду.

Я весь отдался влиянию окружающей меня обстановки и шел по лесу наугад. Один раз я чуть было не наступил на ядовитую змею. Она проползла около самых моих ног и проворно спряталась под большим пнем. Немного дальше я увидел на осокоре черную ворону. Она чистила нос о ветку и часто каркала, поглядывая вниз на землю. Испуганная моим приближением, ворона полетела в глубь леса, и следом за ней с земли поднялись еще две вороны.

Подойдя поближе, я увидел совершенно разложившийся труп не то красного волка, не то большой рыжей собаки. Сильное зловоние принудило меня поскорее отойти в сторону. Немного подалее я нашел совершенно свежие следы большого медведя. Зверь был тут совсем недавно. Он перевернул две колодины и что-то искал под ними, потом вырыл глубокую яму и зачем-то с соседнего дерева сорвал кору.

Еще часа полтора я бродил по лесу и, наконец, почувствовал усталость. Я сел на дерево, лежащее на земле, и, прислонив к нему ружье, снял головной убор и стал вытирать потное лицо платком. В это мгновение по ту сторону стоящего передо мной большого вяза я заметил какое-то движение, что-то мелькнуло в темноте и тотчас скрылось за деревом. Я стал всматриваться в чащу леса, но ничего не заметил. Тогда я спрятал платок в карман и сел поудобнее, чтобы продолжать свои наблюдения. Я знал, что надо запастись терпением и не двигаться. Через несколько минут опять что-то мелькнуло перед глазами. Я удвоил внимание и вскоре увидел на том же дереве, но выше, небольшое животное, сидевшее на ветке у самого ствола. Я узнал в нем соболя. Моя неподвижность, видимо, сильно смущала его. Долго он смотрел на меня, но в конце концов не выдержал, поднялся на лапки, простоял с минуту, а затем тихонько двинулся вдоль сучка, растущего как раз в направлении ко мне. На конце ветки соболя остановился. Со своей, позиции я мог хорошо его рассмотреть. Теперь он не был таким пушистым, как зимою, и донельзя походил на своего собрата – хорька, только окраска его была не буроватая, как у последнего, а совершенно черная. Под мордочкой на горле имелось светлое, как мне показалось, оранжево-желтое пятно. В выразительных черных глазках соболя я прочел сосредоточенное внимание и какое-то особенно злое выражение. Дорогой хищник опустил головку вниз и стал усиленно нюхать воздух. Я видел,

как он делал гримасы и двигал носиком. Рекогносцировка, видимо, его успокоила, потому что он повернулся и пошел обратно по ветке, затем опустил немного по стволу до следующего сука и здесь через небольшое отверстие скрылся в дупле дерева.

Минуты через две соболь снова выглянул наружу и, убедившись, что кругом все обстоит благополучно, издал какой-то звук, похожий не то на писк, не то на шипенье, и тогда в отверстии дупла появилось несколько маленьких головок таких же черных, как их мать. Это были молодые соболята. Они все толпились у входного отверстия, вылезали до половины из него и снова прятались назад. Сколько в дупле обитало зверьков, я сказать не могу, так как все они были одного цвета и постоянно теснили друг друга. Затем matka спустилась с дерева на землю, а молодые соболята вновь спрятались в гнезде. Прождав еще несколько минут, я встал и подошел к дуплу с целью заглянуть в него. Дерево было толстое, а дупло глубокое, к тому же я совершенно не хотел разорять соболиное гнездышко. И без меня у них много врагов. Я взбросил свою винтовку на плечо и взял направление прямо к биваку. Между тем солнце по небосклону прошло большую часть своего пути и готовилось уже скрыться за облаками, которые из белых сделались темными и фосфоресцирующими по краям. Тяжелые испарения неподвижно лежали над землею, поглощая собою все звуки, и от этого становилось невыносимо душно. Я часто останавливался, что-

бы набрать в легкие побольше воздуха, но чувствовал, что глубокие вздохи не приносят облегчения.

Впереди виднелся большой приземистый тополь. Безотчетно я подошел к нему вплотную и увидел на земле большую жабу. Она сидела, подняв кверху свою уродливую голову, и закрывала поочередно то один, то другой глаз. Нижняя часть горла ее под самой мордой находилась в частом и непрерывном движении. Видно, духота подействовала и на нее. Жаба вылезла из своей норы задолго до заката и усиленно дышала. Вдруг невероятный шум раздался совсем рядом со мной, и вслед затем я получил сильный удар по голове. Я испугался так, как если-бы кто-нибудь неожиданно из-за угла крикнул мне в ухо. Первая мысль, мелькнувшая у меня в голове, была – медведь. Я отскочил в сторону и тотчас приготовился к обороне. В это время я услышал какие-то странные звуки, похожие на пыхтенье и звонкое щелканье. Взглянув на тополь, я увидел, что из него выглядывает страшилище: кургузое, взъерошенное, с большими желтыми глазами и белым клювом. Поистине это чудовище может напугать кого угодно, особенно того, кто видит его в первый раз. Я не шевелился, и страшилище успокоилось и приняло свой обычный вид. Это оказалась самка филина. В дупле тополя было ее гнездо. Из яиц уже вылупились птенцы. Они шевелились и постоянно открывали свои желтые рты. Теперь все разъяснилось. Когда я подошел очень близко, испуганная птица, защищая своих птенцов, ударила меня своим крылом.

Этот неожиданный удар испугал и в то же время рассердил меня, но я взял себя в руки. Чем виноват филин? Он, пожалуй, испугался больше меня. Чувство материнства принудило его не к постыдному бегству от сильнейшего в сравнении с ним врага, а к обороне и самопожертвованию. Я успокоился и сделал шаг влево, чтобы лучше рассмотреть птенцов. Услышав шум, филин опять взъерошился, распустил свои крылья, пригнул голову к ногам и, издавая опять то же пыхтение, два раза звонко щелкнул своим клювом. Не желая больше смущать птицу, я пошел своей дорогой, взяв прежнее направление прямо на бивак. Должно быть, я сбился с пути и попал в самую чащу леса. Место было удивительно дикое. Из земли всюду торчали длинные камни в виде неправильных столбиков, словно надгробные памятники на кладбище, и рядом с ними росли изуродованные деревья, лишённые ветвей. Несколько в стороне виднелся наклонный ствол с одной только веткой, поднятой кверху. Издали он походил на старика, наклонившегося вперед и занесшего руку как бы для нанесения удара. Дальше я заметил какую-то постройку. Я очень обрадовался и направился к ней скорым шагом. Здесь ждало меня полное разочарование. Дом оказался скалой странной формы в виде избы, только без окон и крыши. Вокруг нее было навалено множество камней в беспорядке.

Тогда я понял, почему туземцы место это считают обиталищем злого духа.

Однако время уходило, и надо было возвращаться на би-

вак. Осмотревшись, я пошел, как мне казалось, прямо к морю, но на пути встретил лесное болото, заваленное колодником. С целью обойти его я принял немного вправо. Минут через десять я увидел дерево, которое показалось мне знакомым. Это был вяз с выводком соболей.

«Ну, слава богу, – подумал я, – отсюда я уже наверно найду дорогу» – и повернул к востоку градусов на девяносто. Велико было мое удивление, когда минут через двадцать ходу я подошел к большой каменной глыбе, которую вначале принял было за дом.

Досада взяла меня. Я рассердился и пошел обратно к соболиному дереву, но вяза этого я уже не нашел. Сильное злобоние дало мне знать, что я попал на то место, где на земле валялось мертвое животное. Я еще раз изменил направление и старался идти возможно внимательнее на восток. На этот раз я попал в гости к филину, а потом опять к каменной глыбе с россыпью.

Тогда мне стало ясно, что я кружился на одном месте. Сунцай, подумал я, наверно решил бы, что это чорт Боко строит свои козни и нарочно сбивает меня с дороги. Я взглянул на небо. Солнце только что скрылось в тучах, которые, подобно театральному занавесу, вдруг поднялись к зениту и заполнили большую часть небосклона. Последние лучи прорвали лохматые облака, скользнули по склонам гор, осветили на мгновение лес и погасли совсем. Туча темнела, разрасталась вширь и захватывала все небо. В облаках поминутно

вспыхивали молнии, и глухо ворчал гром. Как-то сразу стало сумрачно и прохладно.

В лесу слышалась тревожная переключка мелких птиц, потом вдруг замолкли голоса пернатых, и все живое попряталось и притаилось. В движении тучи, медленном для неба и быстром для земли, было что-то грозное и неумолимое. Передний край ее был светлее остальных облаков и очень походил на пенистый гребень гигантской волны, катившейся по небосклону. Облака сталкивались и сливались, потом расходились и зарождались вновь, постоянно меняя свои очертания.

В это время неподвижный доселе воздух всколыхнулся. Внезапно налетел ветер, испуганно зашумели деревья. Стало еще темнее. Несколько крупных капель тяжело упало на землю. Я понял, что мне не удастся уйти от дождя и остановился на минуту, чтобы осмотреться. Вдруг весь лес вспыхнул голубоватым пламенем. Сильный удар грома потряс воздух и землю, и вслед за тем хлынул ливень.

Какая-то птица билась в воздухе. Она, видимо, старалась укрыться в лесу, но ее ветром относило в сторону. При свете молнии я увидел, как она камнем падала на землю.

На небо страшно было смотреть. Облака, охваченные какой-то неудержимой силой, стремительно неслись к востоку, изрыгая из недр своих огонь и воду.

За ослепительными молниями следовали жестокие удары грома, от которых вздрагивали небо и земля. Ветер неистово

бушевал, ломая сучья и срывая листву с деревьев.

При каждой вспышке молнии я видел тучи на небе, каждое дерево в отдельности, видел одновременно ближние и дальние предметы и горизонт, где тоже поминутно вспыхивали молнии и были горы, похожие на облака, и облака, похожие на горы. Потоки воды, падающей с неба, освещаемые бледно-голубыми вспышками атмосферного электричества, казались неподвижными стеклянными нитями, соединившими небо и землю.

Вдруг необыкновенно яркая молния ослепила мне глаза, и тотчас почти одновременно с ней раздался такой резкий и сильный удар грома, что в ушах моих закололо, и я как будто потерял сознание. Дождь пошел еще сильнее. Через минуту я очнулся. Зрение мое восстановилось понемногу, но в ушах чувствовалось колотье и болела голова. С трудом поднялся я с земли и пошел наугад, сам не зная куда. Холодный бичующий ливень промочил мою одежду насквозь. При вспышке молнии развевалась убегающая во все стороны даль, и вслед за тем наступала абсолютная тьма. Казалось, что сила, раздвинувшая на мгновение горизонт, также быстро и суживала его, окутывая все в непроницаемый и холодный мрак. Могучие громовые раскаты и шум дождя поглотили все другие звуки на земле.

Около часа бродил я по тайге, высматривая дорогу при вспышках молнии и натываясь на колодник в траве. Наконец, дождь начал стихать, удары грома сделались не так оглу-

шительны; итти стало труднее. В это время до слуха моего донесся шум прибоя. Я прибавил шаг и, пройдя сквозь заросли тальников, вышел к мерю.

Скоро дождь перестал совсем, но на небе все еще вспыхивали молнии, и грохотал гром то в небе над головой, то где-то вдали. Гроза уходила на восток. Когда западный край неба очистился, стало видно, что солнце только что скрылось за горизонтом. Теперь там пылала багровая заря, окрасившая в пурпур большие кучевые облака, омытые дождями сопки, вдали деревья в лесу, с которых ветер не успел еще стряхнуть алмазные капли воды. При этом освещении восточный небосклон, покрытый тяжелыми тучами, казался бы еще сумрачнее, если бы его не скрашивала великолепная радуга. Гроза бушевала теперь где-нибудь в северной Японии и на острове Сахалине.

Выйдя на намывную полосу прибоя, я повернул к биваку. Слева от меня было море, окрашенное в нежнофиолетовые тона, а справа – темный лес. Остроконечные вершины елей зубчатым гребнем резко вырисовывались на фоне зари, затканной в золото и пурпур. Волны с рокотом набегали на берег, разбрасывая пену по камням. Картина была удивительно красивая. Несмотря на то, что я весь вымок и чрезвычайно устал, я все же сел на плавник и стал любоваться природой. Хотелось виденное запечатлеть в своем мозгу на всю жизнь.

Через полчаса я подходил к биваку. Мои спутники были тоже в хорошем расположении духа. Они развели большой

ОГОНЬ И СУШИЛИ ОКОЛО НЕГО ТО, ЧТО НАМОКЛО ОТ ДОЖДЯ.

Мыс Сюркум

От бухты Аука берег делает изгиб к северо-востоку. В проекции, если смотреть на него с высоты птичьего полета, он представляет собой как бы вогнутый нос корабля. Северо-восточная выдающаяся часть его называется мысом Сюркум. Этот берег – ровный как стена, высотой до 200 метров, скалистый и обрывистый – тянется на протяжении 48 километров. У подножья его совершенно отсутствует намывная полоса прибоя; прибрежные скалы отвесно обрываются прямо в море. На всем протяжении от бухты Аука до самого мыса Сюркум нигде нет места, где бы могла пристать лодка и где можно было бы высадиться на берег и найти защиту от непогоды.

Еще в Императорской Гавани старик ороч И. М. Бизанка говорил мне, что около мыса Сюркум надо быть весьма осторожным и для плавания нужно выбирать тихую погоду. Такой же наказ дважды давали старики селения Дата сопровождавшим меня туземцам. Поэтому, дойдя до бухты Аука, я предоставил орочам Копинке и Намуке самим ориентироваться и выбрать время для дальнейшего плавания на лодках. Они все время поглядывали на море, смотрели на небо и по движению облаков старались угадать погоду.

Последние дни море было удивительно спокойное. Если бы оно не вздыхало неуловимой для глаза, но ощутимой в

лодке широкой зыбью, его можно было бы принять за тяжелый расплавленный металл, застывший и отшлифованный без меры в длину и без конца в ширину, уходящий в синеющую даль, где столпились белые кучевые облака с закругленными краями. Видимо, и в атмосфере установилось равновесие, потому что легкие тучки на горизонте в течение всего дня не изменили своей формы и все время стояли неподвижно. Солнце, отраженное в гладкой поверхности воды, всплывало на морскую зыбь и слепило глаза. Но вот волна проходила, отблеск пропадал, и тогда казалось, будто небесное светило снова погрузилось «в лоно стеклянных вод».

Такая тишь смущала орочей. Им она казалась предательской; даже в то время, когда коварное море ласкает, надо каждую минуту ждать удара. Достаточно малейшего изменения в атмосфере, чтобы привести его в яростное состояние.

Прошло два дня, и вот второго июня после обычного осмотра моря и неба орочи объявили, что можно ехать.

Стрелки и казаки так приспособились к выгрузке на берег и к погрузке имущества в лодки, что распоряжение собираться в путь никого не застало врасплох. Минут через двадцать мы уже плыли вдоль берега.

В море царил тишина. На неподвижной и гладкой поверхности его не было ни малейшей ряби. Солнце стояло на небе и щедро посылало лучи свои, чтобы согреть и осушить намокшую от недавних дождей землю и пробудить к жизни весь растительный мир – от могучего тополя до ничтожной

былинки.

Мы держались от берега на таком расстоянии, чтобы можно было сразу обозревать всю толщу горных пород и жилы, которые их прорезают. Около полудня наши лодки отошли от реки Аука километров на шесть. В это время сидящий на веслах Копинка что-то сказал Намуке, стоящему у руля. Тот быстро обернулся. Копинка перестал грести и спросил своего товарища, не лучше ли заблаговременно возвратиться.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел сзади, там, где небо соприкасалось с морем, темную полосу, протянувшуюся по всему горизонту. Эта темная полоса предвещала ветер. Полагая, что это будет небольшой местный ветерок, Намука подал знак плыть дальше.

Минут через десять полоска на горизонте расширилась и потемнела. Одновременно другая такая же полоса появилась справа от нас. Орочи стали совещаться и решили плыть обратно, придерживаясь ближе к берегу, но в это время темная полоса придвинулась к нам вплотную. Неожиданно появился ветер, и море сразу запенилось и зашумело. В одно мгновение гладь воды покрылась рябью, быстро перешедшей в волнение. Опасаясь, что мы не выгребем против ветра, орочи решили итти дальше к Сюркуму и стали ставить парус, с помощью которого они рассчитывали скоро дойти до бухты Старка.

Парус на туземных лодках представляет собой просто полотнище палатки, привязанное за углы к двум шестам, по-

ставленные косо крестообразно. За другие два угла обычно привязываются веревки, концы которых должны быть в руках у рулевого.

Копинка взялся управлять парусом, я сел на его место за весла, а Намука остался на руле. С парусом наша лодка пошла быстрее: Ветер дул ровный, но он заметно усиливался. Море изменило свой лик до неузнаваемости. Полчаса назад оно было совершенно спокойно-гладкое, а теперь взбунтовалось и шумно выражало свой гнев.

Небо тоже изменилось. Оно стало беловатым. Откуда-то сразу появились тонкие слоистые тучи. Сквозь них еще виднелся диск солнца, но уже не такой ясный, как раньше. На него можно было смотреть невооруженным глазом. Тучи быстро сгущались. Когда я второй раз взглянул на небо, то местонахождение солнца определил только по неясно расплывчатому светлому пятну. Кое-где у берега появились ключья тумана. Скоро начал моросить дождь.

Волны подгоняли нашу утлую ладью, вздымали ее кверху и накреньяли то на один, то на другой бок. Она то бросалась вперед, то грузно опускалась в промежутки между волнами и зарывалась носом в воду. Чем сильнее дул ветер, тем быстрее бежала наша лодка, но вместе с тем труднее становилось плавание. Грозные валы, украшенные белыми гребнями, вздымались по сторонам. Они словно бежали вперегонки, затем опрокидывались и превращались в шипящую пену.

Тяжело загруженная лодка глубоко сидела в воде, и волны

начали захлестывать ее с боков. Время от времени мы откачивали воду берестяным ковшом, который орочи предусмотрительно захватили с собой. Они все время осматривали берег в надежде найти хоть какое-нибудь укрытие от непогоды, но тщетно. Угрюмые высокие скалы совершенно отвесно падали в воду. Волны с яростью ударялись о них и белыми фонтанами взлетали кверху. К берегу пристать было невозможно, в море итти – нельзя, о возвращении назад нечего было и думать. Нам оставалось только одно – итти по ветру и напрячь все усилия, чтобы как можно скорее обогнуть мыс Сюркум и войти в бухту Старка. Никто не сидел сложа руки: одна смена гребла, другая откачивала воду. В ход были пущены оба чайника и котел. Так продержались мы еще два часа, наконец, стало ясно, что благополучно дойти до мыса Сюркум нам не удастся. Ветер очень засвежел, и море сильно разбушевалось. Волны с неумолимой настойчивостью шли словно на приступ все в одном направлении. Они нагоняли лодку и заливали корму ее. Теперь все зависело от рулевого. Намука следил за лодкой с волнением, а Копинка не спускал глаз с паруса, то подтягивая один конец, то отдавая другой. Все внимание их было сосредоточено на том, чтобы не допустить одновременного наклона лодки под давлением ветра в парус и натиска большой волны с той же стороны. «Неужели мы не найдем какого-нибудь угла около берега, который дал бы нам хоть временное укрытие?» – думал я, со страхом и с тоской поглядывая на высокие скалы.

Вдруг Намука привстал и, внимательно разглядывая берег, стал советоваться с Копинкой. По отрывкам их фраз я понял, что они нашли место, где можно укрыться от непогоды. Копинка кивнул головой. Намука тотчас навалился на руль, и лодка стала приближаться к берегу. Здесь море шумело еще сильнее. Отбойные волны сталкивались с волнами, идущими по ветру, и создавали толчею. Шум прибоя был столь оглушителен, что мы не могли слышать друг друга и объяснялись больше жестикуляцией. Ритмическая качка превратилась в беспорядочную, как только мы вступили в водоворот пены, всплесков и брызг. Я с трудом мог ориентироваться. От скалистого берега под углом по отношению к нему градусов в пятьдесят выдвигался в море большой дейк. Это была гигантская базальтовая жила. Горные породы, сквозь которые она проходила, деятельностью морской воды и атмосферных агентов давно уже подверглись разрушению и обвалились. Распадение базальта было столбчатым: поэтому дейк имел вид поленницы дров. В море он выступал метров на двадцать и вместе с прилегающей к нему частью берега образовывал как бы двугранный угол. По окрику Копинки парус был спущен в одно мгновение. Еще несколько ударов весла – и лодка укрылась за базальтовую стенку. Таким образом мы попали в относительно спокойный водоем.

В самой середине нашего укрытия из воды сантиметров на двадцать поднимался большой плоский камень площадью в восемь квадратных метров. Поверхность его была покрыта

бурыми водорослями и раковинами. В другое время я сделал бы вывод не в пользу нашего убежища, но теперь мы все были рады, что нашли тот «угол», о котором мечтали в открытом море и который, как нам казалось, мог защитить нас.

Намука подвел лодку к камню, и мы тотчас вышли на него. Все сразу повеселели. Вихров и Крылов стали откачивать воду, а я с орочами принялся осматривать берег, к которому мы пристали. Наше укрытие представляло собою ловушку, из которой можно было выбраться только по воде. Базальтовая жила упиралась в отвесную скалу. Каких-нибудь выступов или карнизов, по которым можно было бы взобраться наверх, не было.

Вокруг нас высились гигантские утесы, круто, а местами совершенно отвесно обрывающиеся в море. Все наше спасение было в лодке, и поэтому о ней надо было прежде всего позаботиться.

Между тем буря разразилась не на шутку. Волны с грохотом таранили дейк снаружи, но он стойко выдерживал натиск моря.

Ветром перебрасывало через него брызги. Волны пенились, дробились и ослабленные с урчанием заходили за базальтовую стенку и всплескивались на камни, к которым была привязана лодка. Опасаясь за участь наших грузов, я велел перевести лодку в самую глубь бухточки.

Когда вода из лодки была выкачана, мы перебрали все наше имущество и вновь уложили его получше, прикрыв свер-

ху брезентом и обвязав покрепче веревками. Затем мы закусили немного, оделись потеплее, сели на свои места в лодку и стали ждать, когда ветер стихнет и море немного успокоится.

Однако буря усиливалась и к шести часам пополудни превратилась в настоящий шторм.

В сумерки орочи сделали еще одно открытие, которое их сильно взволновало. Начался прилив, во время которого вода здесь подымается до двух метров. Несомненно, плоский камень, за которым мы стояли, будет затоплен. Это бы еще ничего, но беда в том, что ветер переменял направление и погнал волны как раз в угол, дававший нам укрытие от непогоды. Приливные волны все чаще заглядывали в наше укрытие и начали бить лодку о камни. Стало ясно, что если мы сейчас не выйдем в море, потом будет поздно. Это понимал каждый из нас. Сами мы как-нибудь спасемся, выберемся на дейк, спасем даже имущество, но лодка должна неминуемо погибнуть и тогда нам остается один только путь морем в качестве купающихся пловцов. Медлить было нельзя. Словно сговорившись, все взялись за весла. В это время в бухточку вошла большая волна и окатила плоский камень. Орочи воспользовались временным затишьем и вывели лодку за дейк. Новая волна подхватила ее как легкое перышко и на гребне вынесла за буруны. Ветер хлестнул по лицу холодной изморозью. Лодка сильно накренилась – прошла вторая большая волна, потом третья.

Буруны остались позади. Орочи быстро подняли парус.

Словно раненая птица, увлекаемая сильным ветром, помчалась наша лодка вдоль берега.

Сумерки быстро спускались на землю. В море творилось что-то невероятное. Нельзя было рассмотреть, где кончается вода и где начинается небо. Надвигающаяся ночь, темное небо, сыпавшее дождем с изморозью, туман – все это смешалось в общем хаосе. Страшные волны вздымались и спереди и сзади. Они налетали неожиданно и так же неожиданно исчезали, на месте их появлялась глубокая впадина, и тогда казалось, будто лодка катится в пропасть.

Несмотря на усиленное откачивание, вода в лодке не убывала. Результат усиленной работы двух человек сразу сводился к нулю одним всплеском волны. Скоро одежда наша промокла насквозь. Я был в состоянии какого-то забытья. Порой сквозь завывания ветра и зловещий шум волн я слышал, как у моего соседа стучали зубы. Меня самого трясло, как в лихорадке. Изредка сквозь прорыв в тумане впереди виднелась какая-то большая темная масса. Она казалась громадным чудовищем, которое залезло в море и, погрузившись в воду по подбородок, надулось и вот-вот издаст страшный рев. Это был мыс Сюркум.

Если нам удастся обогнуть его – мы спасены, но до этого желанного мыса было еще далеко. Темная ночь уже опускалась на землю, и обезумевший океан погружался в глубокий мрак. Следить за волнением стало невозможно. Все люди впали в какую-то апатию, и это было хуже чем усталость,

это было полное безразличие, полное равнодушие к своей участи. Беда, если в такую минуту у человека является убеждение, что он погиб, – тогда он погиб окончательно.

Я сознавал, что надо людей подбодрить как-нибудь. Стрелки и казаки сидели на веслах лицом к корме. Я воспользовался этим и, собрав все силы легких, крикнул:

– Братцы, самое страшное осталось позади, опасность миновала. Мыс Сюркум совсем недалеко. Навались!

Я умышленно сделал веселое лицо и, сняв фуражку, замазал ею. Этот маневр достиг цели. Мои спутники стали грести энергичнее. Лодка пошла быстрее. Теперь уже чудовища не было видно. Слышно было только, как волны с грохотом разбивались о берег. Сюркум молча выдерживал их удары. Волны с бешенством отступали назад, чтобы собраться с силами и снова броситься в атаку. Ветер вторил им зловещим воем.

Точно маленькая щепочка, лодка наша металась среди яростных волн. Порой казалось, что она бросается вперед, то будто стоит на месте. Стало совсем темно. С трудом можно было рассмотреть, что делается рядом. Как автомат, не отдавая себе отчета, я откачивал воду из лодки и мало беспокоился о том, что она не убывала.

Орочи молчали. Находились ли они в таком же состоянии, как все мы, или сохранили больше самообладания, сказать не могу.

– Господи, только бы нам дойти до мыса, – вдруг услышал

я шопот позади у себя.

– Сюркум далеко нету, – вдруг сказал Намука.

Эти слова всех подбодрили, потому что это была правда.

В это мгновение огромная волна нагнала лодку как-то сразу и сбоку и сзади и наполнила ее водой почти до половины.

– Скоро качай! – крикнул неистово Копинка.

Предчувствие близкой опасности, а главное этот окрик заставил людей стряхнуть апатию. Они стали грести энергичнее, а я и еще кто-то с удвоенной энергией принялись отливать котлом воду. Мало-помалу лодка снова стала всплывать.

– Качай скорей! – снова закричал Намука.

Вот и мыс недалеко, вот мы с ним и поровнялись, но тут нам предстояло еще одно страшное испытание. Мыс выдвигался далеко в море; ветром здесь развило очень большое волнение. Это было самое опасное место. Какие-нибудь четверть часа, но эти четверть часа были такими, от которых можно потерять рассудок. Вдруг громадная волна, точно какое-то живое непонятное существо с белой гривой, ужасное по своему внешнему виду и по размерам, сразу выросло сбоку. Как перышко взметнуло нашу лодку кверху. Волна исчезла, и мы стремглав полетели вниз.

– Держись! – крикнул Намука, и вслед за тем лодка опять наполнилась более чем до половины. Воды в ней было так много, что ее можно было выкачивать не глядя.

– Надо качать, усиленно надо качать! – крикнул я своим спутникам, – иначе мы погибли!

Гребцы, сидевшие поблизости ко мне, оставили весла и тоже принялись чем-то откачивать воду. Для удобства я опустился на дно лодки прямо на колени и стал быстро работать котлом. Я не замечал усталости, холода, боли в спине и работал лихорадочно, боясь потерять хотя бы одну минуту.

– Ая-ла-би, – услышал я голос Копинки, что означало: «очень хорошо».

Невероятный прилив энергии вселился в людей. Лодка опять всплыла на поверхность моря.

Волнение стало слабее – мы обогнули мыс и входили в бухту Старка. Минут десять мы плыли под парусом и работали веслами. Хотя ветер дул с прежней силой и шел мелкий частый дождь, но здесь нам казалось хорошо. Мы благословляли судьбу за спасение. Сзади слышался грозный рев морского прибоя. Вдруг слева от нас вынырнула из темноты какая-то большая темная масса, и вслед за тем что-то длинное белесоватое пронеслось над нашими головами и сбilo парус.

– Что такое? – невольно послышалось несколько голосов.

Намука удержал лодку и стал осторожно подходить к неведомому предмету. Это оказалась шхуна. Я приказал зажечь фонарь. Неровный трепетный свет осветил судно, лежащее на боку и наполовину затопленное водой. Одна мачта шхуны была сломана, другая цела. Она-то и сбила наш парус. Обрывки снастей частью валялись на палубе, частью свешивались в воду. По-видимому, шхуна лежала на мели. Мелкие волны всплескивались на палубе ее. Мы обошли шхуну

кругом и снова подошли к мачте. В это время луч фонаря осветил ее оконечности. Тут я увидел небольшое животное с длинным тонким хвостом. Должно быть, это была крыса. Она сделала попытку спрыгнуть в нашу лодку, но промагнула и попала в воду. Стрелок Глегола хотел ударить ее веслом, но тоже промахнулся.

– Брось, – сказал Ноздрин, – ты забыл, что сам только что чуть не утонул в море.

Однако холод давал себя чувствовать. Мы поплыли дальше и не успели сделать десятка ударов веслами, как подошли к песчаной косе. Волны с шипением взбегали на пологий берег и беззвучно отходили назад.

Два стрелка вылезли из лодки через борт и пошли прямо по воде; потом они подтащили лодку на руках, отчего вся вода в ней сбежала на корму. Я быстро откачал воду берестяным ковшом. Потом люди пошли по берегу и стали собирать дрова. Вот мелькнул огонек: кто-то зажег спичку, но ветром ее сразу задуло. То же самое случилось и со второй спичкой и с третьей. Топливо долго не разгоралось. Я разыскал свою походную сумку и подал на берег два обломка целлулоидной гребенки, захваченные мною из города нарочно для такого случая.

Минут через двадцать пылал большой костер.

Люди разгружали лодку, сушили одежду и грелись у огня. Лица их были серьезны. Каждый понимал, что мы только что избегли смертельной опасности и потому было не до шуток.

Моряки с погибшей шхуны, очертания которой смутно виднелись недалеко от берега, были менее счастливы... Что стало с ними?..

Когда мы немного просохли, то начали ставить палатку и греть чай. Только теперь я почувствовал себя совершенно измученным и разбитым. Я лег около костра, но, несмотря на усталость, не мог уснуть. Моим спутникам тоже не спалось. Всю ночь мы просидели у огня, дремали и слушали, как бушевало море.

Зимний поход по реке Хунгари

В зиму 1909 года в районе Императорской Гавани снега выпали рано, что очень беспокоило орочей. Это сулило тяжелую дорогу и затрудняло передвижение охотников, в особенности на пути от стойбищ к местам соболевания. Река обещала замерзнуть непрочно: на льду под снегом должны были образоваться проталины. В глубоком снегу скоро будут погребены ловушки, соболевание плашками придется прекратить раньше времени и гонять по следу, что считалось охотой трудной и мало добычливой. На несчастье ход рыбы в тот год был плохой. Все орочи заготовили так мало юколы, что по подсчету ее не могло хватить для прокорма до весны людей, не говоря уже о собаках. Многие предвидели голодовку и поговаривали о глушеньи старых и слабосильных собак. Недостаток юколы привязал людей к месту и принудил их отказаться от соболевания. Многие орочи решили как-нибудь пробиться до весны около моря, рассчитывая на случайный улов мелкой рыбешки в полосе мелководья.

Все это, вместе взятое, ставило и меня в затруднительное положение. Орочи, всегда готовые мне помочь, были очень озабочены вопросом, кто и как будет меня сопровождать на Хунгари. Старик Антон Сагды и Федор Бутунгари советовали мне отказаться от зимнего похода, предлагали мне остаться у них до весны и с первым пароходом уехать во Владиво-

сток.

Это меня совершенно не устраивало. Выполнение маршрута через Сихотэ-Алинь на Хунгари входило в план моих работ, к тому же средства мои были на исходе, а зимовка на Тумнине затягивала экспедицию по крайней мере еще на шесть месяцев.

Когда я объявил орочам, что маршрут по рекам Акуру и Хунгари должен выполнить во что бы то ни стало, они решили обсудить этот вопрос на общем сходе в тот день вечером в доме Антона Сагды. Я хорошо понимал причину их беспокойства и решил не настаивать на том, чтобы они провожали меня за водораздел, о чем я и сказал им еще утром, и только просил, чтобы они подробно рассказали мне, как попасть на Сихотэ-Алинь. Спутниками моими по этому маршруту вывались быть стрелки Илья Рожков и Павел Ноздрин.

Совещание орочей длилось недолго. Федор Бутунгари объявил мне, что они решили одного меня не пускать, потому что в истоках Акура легко заблудиться. Он также сказал, что один ороч с нартами и четырьмя собаками проводит меня до самого водораздела и укажет воду, которая течет в Акур. Затем ороч вернется назад, а дальше я сам должен буду идти, придерживаясь горной речки, пока не выйду на Хунгари. Вместе с тем Федор Бутунгари уговаривал меня облегчить нарты и взять как можно меньше собак. Это был весьма разумный совет.

Я еще раз осмотрел свое имущество, часть его оставил в

селении Дата и с собой взял только то, без чего никак обойтись было нельзя. Одеты мы были в полушубки, теплое белье и суконные шаровары. На головах имели меховые шапки с наушниками, на руках – вязанные рукавицы, а на ногах шерстяные портянки и унты из рыбьей кожи, с расчетом по одной паре на семь суток. Суконный шатер за его громоздкостью мы оставили в Императорской Гавани, а взамен его взяли два парусиновых полотнища, которыми можно было покрывать поставленные наклонно жерди и устраивать, таким образом, небольшую палатку. Печь с трубами я отдал орочам в селении Дата. Наша палатка была такая маленькая, что еле вмещала нас троих. Внутри ее мы должны были разводить огонь, а сами располагаться на ельнике вокруг него. У каждого было по две пары лыж: одна на ногах, а другая – запасная – в нарте. Мы захватили с собой малую поперечную пилу, два топора, котелок, чайник, кружки, ружья, патроны. У меня в нартах было все научное снаряжение и самое ценное мое имущество – путевые дневники. Для спанья каждый имел козью шкурку, теплые чулки из кабарожьей шкурки мехом внутрь и одеяло, а вместо подушки – простой холщевой мешок с запасным бельем. Я рассчитывал совершить весь маршрут в три недели и сообразно этому взял продовольствие для людей и корм для собак. Даже если бы мы пожелали того и другого захватить больше, это было бы невозможно. Что, в самом деле, мы могли увезти с собой? Обоз наш состоял из трех нарт – по одной на каждого человека.

Нарты мы должны были тащить сами, и в помощь каждому предназначалось две собаки.

Все как будто было предусмотрено, неизвестными для нас оставались только два вопроса: какой глубины снег на Хунгари и скоро ли по ту сторону мы найдем людей и протоптанную нартовую дорогу. Дня два ушло на сбор ездовых собак и корма для них. Юколу мы собрали понемногу от каждого дома. Наконец, все было упаковано и уложено. Я условился с орочами, что, когда замерзнет река Тумнин, в отряд явится проводник орочей со своей нартой, и мы снимемся с якоря.

Мы выступили из Даты 3 октября в девять часов утра. День был морозный, тихий. Даже в воздухе не было движения. Все небо было затянуто темными серо-синими тучами, которые лежали параллельными полосами и казались совершенно неподвижными. Изредка в воздухе мелькали редкие снежинки. После выпавшего снега все предметы на земле были покрыты пышными капюшонами. Из труб на маленьких орочских домиках, погребенных в снегу, тонкими струйками вертикально подымались дымки. Между селениями Дата и Хуту-Дата дорога была уже протоптана, и потому мы довольно успешно продвигались вперед. Собаки тащили старательно. Бедные животные! Они думали, что будут работать только один день, что в орочском селении запрягут в нарты других собак, и не знали, какая печальная участь ожидала их в дальнейшем.

В Хуту-Дата мы прибыли совсем в сумерки и очень уста-

ли. Если бы мы шли по безлюдной местности, то давно встали бы биваком, но теперь нам хотелось непременно дойти до селения Хуту-Дата. Я остановился в доме ороча Федора Бутунгари, оказавшего мне столько услуг. Весь вечер мы провели с ним в дружеской беседе. Он давал мне полезные советы, а я старался запомнить все мелочи и делал записи в записную книжку. На другое утро мы продолжали наш маршрут. В этот день погода стояла такая же хмурая, как и накануне. Небо было по-прежнему сумрачно. Тучи медленно ползли к юго-западу. В этом движении их была какая-то упрямая настойчивость, и никто не знал, зачем они туда шли и что хотели заполнить своими тяжелыми бездушными массами. Потому ли, что дорога немного занастилась, или потому, что мы хорошо отдохнули и начали втягиваться в работу, но только заметно было, что мы шли легче и скорее.

В селение Акур-Дата мы прибыли засветло. Почти все орочи были дома. Недостаток собачьего корма привязал их к месту. Туземцы промышляли пушнину в ближайших к селению окрестностях по радиусу, определяемому тем количеством груза, который каждый из них мог унести на себе лично.

В Акур-Дата мы застали одного ороча, которому насчитывалось более 80 лет и к которому все односельчане относились с большим уважением. Он был седой, как лунь, но сохранил зрение и слух. Я стал спрашивать его о предстоящем мне пути. Он позвал двух охотников и велел им нарисо-

вать план. Орочи принесли лоскут бересты и с помощью ножей стали на ней чертить карту бассейна Акура и всех перевалов через водораздел. Чертили они медленно, часто советовались со стариком и ставили свои значки кружками, крестиками и уголками; с помощью какой-то рыбьей косточки орочи измеряли расстояния и считали число дней пути. Меня поразили их умение пользоваться масштабом и память, с какой они разбирались в бесчисленном множестве мелких ручьев и речек, из которых слагаются верховья Акура, Хуту и Хунгари. Этот берестяной план сослужил мне потом хорошую службу. Я всё время пользовался им до тех пор, пока не нашел других людей по ту сторону Сихотэ-Алиня.

Только здесь я узнал, что обычно все люди ходят с Тумнина на Хунгари по реке Мули. Это наиболее легкая и прямая дорога; по реке же Акур никто не ходит, потому что верховья ее совпадают с истоками Хунгари. Хотя это была круглая дорога и она в значительной степени удлиняла мой путь, но все же я выбрал именно ее, как новый и оригинальный маршрут, тогда как по Мули проходила дорога, избитая многими путешественниками и хорошо описанная Д. Л. Ивановым.

18 октября мы распрощались с селением Акур-Дата. При впадении своем в Тумнин река Акур разбивается на два больших и несколько малых рукавов. Когда идешь по одному из них и не видишь остальных, кажется, будто Акур небольшая речка, но затем протоки начинают сливаться, увеличиваться в размерах и, наконец, исчезают совсем. Тогда только

выясняется истинная ширина реки.

Погода по-прежнему стояла морочная. Тучи продолжали двигаться все в том же направлении, они опускались ниже и, казалось, придавили воздух к земле, отчего было душно и чувствовался какой-то гнет, тоска. Там, где река Акур образует огромную петлю, огибая с трех сторон хребет Сагды-Уо, образовались щеки. Тут мы заночевали. Наша палатка была так мала, что вчетвером мы в ней не вместились бы, если бы наш проводник ороч не догадался захватить с собой лишние полотнища. Ночью мы все спали плохо, было как-то душно и тепло.

На другой день, когда я вышел из палатки, первое, что мне бросилось в глаза, был густой туман. Он неподвижно лежал на поверхности земли. Сквозь него едва можно было рассмотреть противоположный берег реки. Когда взошло солнце и потянул ветерок вниз по долине, туман заколыхался. Сквозь просвет в нем видны были за рекой холмы, покрытые гарью, а за ними посиневшие высокие горы, тоже лишенные растительности. Казалось, что погода разгуляется. Это внесло некоторое оживление в наш маленький отряд, но вскоре солнце скрылось, и все небо опять заволокло тучами. Не теряя времени, мы быстро уложили свое имущество в нарты и тронулись в путь.

Так как у ороча было четыре собаки и нарта его была легче наших, то я выслал его вперед прокладывать дорогу, а следом за ним двигались мы со своим обозом.

Дней через пять мы достигли истоков Акура и, немного не доходя водораздела, встали биваком. Незадолго до сумерек все эти дни хмурившаяся погода разразилась обильным снегопадом, который продолжался всю ночь и весь следующий день. Снег кружился в воздухе и падал с характерным для него шуршаньем. Поверхность земли скоро покрылась белой скатертью и словно притихла. На камнях, буреломе и на ветвях елей всюду появились снеговые подушки. Мне надо было произвести здесь астрономические наблюдения и потому я решил ждать, когда утихнет непогода. Томительно и скучно тянулось время. Наш проводник торопился домой, где у него осталась жена и двое малых ребятишек с ограниченными запасами продовольствия.

Наконец, на третий, день небо стало очищаться, и хотя еще шел редкий и мелкий снег, но все же сквозь тонкую пелену слоистых туч изредка на одну-две минуты выглядывало солнце. На него можно было смотреть невооруженным глазом. Я тотчас установил ртутный горизонт, взял высоту светила во время его кульминации и определил истинный полдень. Пока я производил наблюдения, мои спутники протоптали дорогу на перевал и возвратились на бивак засветло. После ужина все занялись приведением в порядок лыж. Их надо было выскоблить ножами, смочить горячей водой, выгнуть и просушить над огнем.

Часов в девять мы легли около костра. Я долго и крепко спал. Но вот сквозь сон я услышал голоса и поднялся со сво-

его ложа. Я увидел всех моих спутников и ороча, проворно собирающего свои вещи. Полагая, что пора вставать, я тоже стал собираться и потянулся за обувью.

– Еще рано, – сказал Ноздрин, – до света еще далеко.

Я взглянул на часы и увидел, что было только три с половиной часа утра. Тогда я спросил, зачем все встали так рано. На этот вопрос Ноздрин сказал мне, что наш проводник за чем-то разбудил их и велел поскорее укладывать нарты. Наконец, я узнал, что случилось.

Ороч проснулся ночью от каких-то звуков. Прислушавшись к ним, он узнал крики зябликов. Это его очень встревожило. Крики дневных птиц ночью ничего хорошего не предвещают. Скоро птицы успокоились, и проводник наш хотел было опять улечься спать, но в это время всполошились вороны и стали каркать. Они так напугали ороча, что тот растолкал Рожкова и Ноздрину и попросил их разбудить поскорее меня.

Я стал расспрашивать ороча, в чем дело, и пробовал его успокоить, но он остался непоколебимым. Из его отдельных фраз я понял, что птицы спят очень чутко, всегда слышат приближение чорта и поднимают крик. Тогда, невзирая ни на какую погоду, надо поскорее уходить с этого места. Если остаться на биваке, то всем грозит смерть. Было много случаев, когда погибали целые семьи от разных эпидемических болезней или пропадали без вести в тайге, замерзали около дома или тонули в воде. Сон прошел, мы размялись, я одел-

ся и вышел из палатки. Глубокая ночь словно темным сава-
ном облегла землю, кругом царила мертвая тишина. Окоче-
невший воздух был так чист и неподвижен, что можно было
расслышать самый ничтожный шорох. Я стал напрягать зре-
ние, но ничего нельзя было рассмотреть даже вблизи палат-
ки. Вдруг до слуха моего донесся какой-то странный шум –
это снег осыпался с ветвей на землю, и затем я услышал хло-
панье крыльев в чаще и громкое карканье.

В это время из палатки вышел ороch. Он проворно стал за-
прягать собак и укладывать нарту. Когда все было готово, он
сказал, что будет ждать нас на самом перевале, затем впряг-
ся в нарту, качнул ее за дышло вправо и влево и тронулся
в путь.

Я вошел в палатку. Сухие березовые дрова ярко горели.
Стрелки успели уже согреть чай. Посоветовавшись, мы ре-
шили сняться с бивака чуть только станет светать и на сле-
дующий бивак встать пораньше.

Как только появились первые проблески рассвета, мы сня-
лись с бивака и пошли к Сихотэ-Алиню. В лесу по-прежне-
му было тихо. Ни малейшего ветерка. Длинные пряди боро-
датого лишайника висели совершенно неподвижно. День на-
чинал брезжить.

К великому нашему изумлению на перевале не было оро-
ча. Он спустился на другую сторону хребта – об этом яс-
но говорили оставленные им следы. Действительно, скоро за
водоразделом мы увидели дым костра и около него нашего

провожатого. Он объявил нам, что речка, на которую нас теперь привела вода, называется Туки и что она впадает в Хунгари. Затем он сказал, что дальше не пойдет и вернется на Тумнин.

– Моя так ходи, – указал он рукою на северо-запад.

Сначала я его не понял, но потом догадался, что он не хочет идти старой протоптанной дорогой, а предпочитает прокладывать путь целиною, лишь бы обойти опасное место стороною. Предоставив ему самому разбираться с лесными страхами, мы распрощались с ним и пошли дальше. Небольшой ключик, по которому мы теперь спускались, имел направление к югу. Меня это смущало, но по существу мы изменить ничего не могли и должны были следовать за водой, которая (мы знали это наверно) должна была привести нас на реку Хунгари. Вопрос был только во времени.

Погода нас недолго баловала, и вскоре небо стало заволакиваться тучами. Подвигались мы теперь медленно. На западных склонах Сихотэ-Алиня снега оказались гораздо глубже, чем в бассейне рек Тумнина. Собаки тонули в них, что в значительной степени затрудняло наше передвижение. К вечеру мы вышли на какую-то речку, ширина ее была не более 6–8 метров. Если это Хунгари, значит, мы попали в самое верховье ее и, значит, путь наш до Амура будет длинный и долгий.

Уверенность в своих силах, расчет на хорошую погоду и надежды, что мы скоро найдем если не самих людей, то

протоптанную ими дорогу, подбадривали и успокаивали нас. Продовольствия мы имели достаточно. Во всяком случае мы были за перевалом, на верном пути, а глубокий снег... Мы отнеслись к нему по-философски: «не все плюсы, пусть среди них будет и один минус».

Однако большая глубина снежного покрова в первый же день сильно утомила людей и собак. Нарты приходилось тащить главным образом нам самим. Собаки зарывались в сугробах, прыгали и мало помогали. Они знали, как надо лукавить: ремень, к которому они были припряжены, был чуть только натянут, в чем легко можно было убедиться, тронув его рукой. Хитрые животные оглядывались и лишь только замечали, что их хотят проверить, делали вид, что стараются.

Чем дальше вниз по реке, тем снег был глубже, тем больше мы уставали и тем медленнее мы продвигались вперед. Надо было что-нибудь придумать. Тогда я решил завтра оставить нарты на биваке и пойти всем троим на разведку. Я прежде всего рассчитывал дать отдых себе, моим спутникам и собакам. Я намеревался протоптать на лыжах дорогу, чтобы ею можно было воспользоваться на следующий день.

Как-то в этот день маршрут затянулся, и на бивак мы встали совсем в сумерки. Остановились мы с правой стороны реки среди молодого ельника у подножья высокой скалы. Место мне показалось удобным: с одной стороны от ветра нас защищал берег, с другой – лес, с третьей – молодой ельник.

На другой день мы пошли протаптывать дорогу налегке.

Отойдя немного, я оглянулся и тут только увидел, что место для бивака было выбрано не совсем удачно. Сверху со скалы нависла огромная глыба снега, которая каждую минуту могла сорваться и погрести нашу палатку вместе с людьми. Я решил по возвращении перенести ее на другое место.

Надо сказать, что по рыхлому снегу самый привычный ходок может идти без отдыха не больше 20 минут. Так как нас было трое, то мы распределили работу между собой следующим образом: через каждые двадцать минут человек, идущий впереди, переходил в хвост, а его место занимал следующий, задний в это время отдыхал. Потом второго по счету заменял третий, третьего опять первый. Так, чередуясь и протаптывая дорогу, за весь день нам удалось сделать только 9 километров. Когда солнце совсем склонилось к горизонту, мы повернули назад. Уже в горах порозовели снега, и от предметов по земле потянулись длинные тени, когда мы кончили свой трудовой день.

Когда мы подходили к биваку, я увидел, что нависшей со скалы белой массы не было, а на месте нашей палатки лежала громадная куча снега вперемешку со всяким мусором, свалившимся сверху. Случилось то, чего я опасался: в наше отсутствие произошел обвал. Часа два мы откапывали палатку, ставили ее вновь, потом рубили дрова. Глубокие сумерки спустились на землю, на небе зажглись звезды, а мы все не могли кончить работы. Было уже совсем темно, когда мы вошли в палатку и стали готовить ужин.

Ночь была тихая и звездная. Холодный воздух застыл и приобрел сонную неподвижность. В лесу изредка потрескивали деревья от мороза. В палатке было уютно и сравнительно тепло. Я делал записи в дневник. Ноздрин мешал кашу в котле, а Рожков, стоя на ногах, свертывал себе папиросу. Вдруг какой-то странный шум пронесся в воздухе. Он исходил откуда-то снизу – из-под земли. Словно там что-то большое, громоздкое падало, рушилось и с грохотом валилось с одного уступа на другой, и в этот момент палатка наша вздрогнула и качнулась. Лес зашумел, и с деревьев посыпался снег на землю. Собаки всполошились и подняли вой. Шум, быстро стихая, унесся к северо-востоку. Я сразу понял, что случилось землетрясение. Теперь мне стали понятны ночные крики птиц. Несомненно, тогда тоже было землетрясение, но настолько слабое, что мы его не ощущали. Теперь я знал, отчего произошел снежный обвал. Опасность нам грозила большая, если бы мы в это время оказались на биваке. Лесные страхи, которые так взволновали нашего проводника, имели свое основание, только объяснял их он вмешательством чорта, устроившего снежный обвал.

Не обошлось и без курьеза. Когда вздрогнула земля, Ноздрин, морщась от дыма и не глядя на Рожкова, недовольным тоном сказал:

- Брось, будет тебе.
- Что? – спросил Рожков.
- Да трястись на месте.

Он думал, что его товарищ шутил и, стоя на ногах, встряхивал землю, палатку и котел с кашей.

Первое время об этом эпизоде я забыл, но потом, когда каша была готова и мы взялись за ложки, я стал смеяться. Больше всего смеялся Рожков, Ноздрин только улыбался. Он чувствовал, что попал в конфузное положение.

Утром он сказал, что ночью было еще два слабых толчка, но я за день так устал, что спал, как убитый, и ничего не слышал. С бивака мы снялись с некоторой надеждой на успех. За ночь наша лыжница хорошо занастилась, и потому девять километров мы прошли скоро и без всяких приключений.

Протаптывание дороги по снегу заставляло нас проделывать один и тот же маршрут три раза и, следовательно, удлиняло весь путь во времени более чем вдвое. Это обстоятельство очень беспокоило меня, потому что весь запас нашего продовольствия был рассчитан лишь на три недели. Растянуть его можно было бы еще дня на три-четыре. Я все же надеялся встретить где-нибудь гольдов-соболевщиков и потому внимательно присматривался ко всяким следам, какие встречались на реке и по сторонам в лесу.

На наше несчастье зима выпала очень суровая: пурга следовала за пургой. Снег был так глубок, что мы даже на биваке не снимали лыж. Без них нельзя было принести воды, дров и сходить к нартам за чем-нибудь.

Ежедневно мы протаптывали дорогу. За день мы так уставали, что, возвращаясь назад, еле волокли ноги, а на биваке

нас тоже ждала работа: надо было нарубить и натаскать дров, приготовить ужин и починить обувь или одежду.

Случалось, что протоптанную накануне дорогу заметало ночью ветром, и тогда надо было протаптывать ее снова. Бывали случаи, когда на возвратном пути мы не находили своей лыжницы: ее заносило следом за нами. Тогда мы шли целиною, лишь бы поскорее дойти до бивака и дать отдых измученным ногам.

Наша обувь и одежда износились до последней степени. И не мудрено: второй год путешествия был на исходе. У орочей на Тумнине я достал унты из рыбьей кожи по четыре пары на каждого человека. При бережном с ними обращении их должно было хватить дней на тридцать. Изношенную обувь мы не бросали, а держали как материал для починки вновь попортившейся. Сначала починки производились редко, а потом всё чаще и чаще – почти ежедневно. Когда был израсходован последний лоскуток рыбьей кожи, мы стали рвать полы полушубков и ими подшивать унты. Этот материал тоже был непрочен и быстро протирался. В конце концов мы так обкарнали полушубки, что они превратились в гусарские курточки без пол. Тогда мы бросили верхние поясные ремни, как вещи совершенно ненужные, потому что они постоянно съезжали на нижнюю одежду.

Не лучше обстояло дело и с бельем. Мы уже давно не раздевались. Белье пропотело и расползлось по швам. Обрывки его еще кое-где прикрывали тело, они сползали книзу и ме-

шали движениям. В таких случаях мы, не раздеваясь, вытаскивали то один кусок, то другой через рваный карман, через воротник или рукав.

Я никак не думал, что наш маршрут так может затянуться. Всему виной были глубокие снега и часто следовавшие одна за другой пурги.

Этот переход был одним из самых тяжелых во всей моей жизни.

С 7 по 18 декабря дни были особенно штормовые. Как раз в это время мы дошли до речки Холоми и тут нашли оро-чокский летник, построенный из древесного корья на галечниковой отмели. Летник был старый, покинутый много лет назад. Кора на крыше его покоробилась и сквозила. Мы так обрадовались этим первым признакам человеческого жилья, как будто это была самая роскошная гостиница. Тут были люди! Правда, давно, но все же они сюда заходили. Быть может, и опять пойдут навстречу.

Мы привели летник в возможный порядок: выгребли снег, занесенный ветром через дымовое отверстие в крыше, выгребли мусор и сухой травой заткнули дыры по сторонам. Поблизости было мало дров, но все же мы собрали столько, что при некоторой экономии могли провести ночь и не особенно зябнуть.

Я рассчитывал, что буря, захватившая нас в дороге, скоро кончится, но ошибся. С рассветом ветер превратился в настоящий шторм. Сильный ветер подымал тучи снегу с зем-

ли и с ревом неся вниз по долине. По воздуху летели мелкие сучья деревьев, корье и клочки сухой травы. Берестяная юрточка вздрагивала и, казалось, вот-вот тоже подымет-ся на воздух. На всякий случай мы привязали ее веревками от нарт за ближайшие корни и стволы деревьев.

Мы сожгли все топливо, и теперь надо было итти за дровами. Взаяся за это дело Рожков, но едва он вышел из юрты, как сразу ознобил лицо. На посиневшей коже местами выступили белые пятна. Я стал усиленно ему оттирать лицо снегом, и это, быть может, спасло его.

Буря завывала, потрясая юрту до основания, и с подветренной стороны нагромождала большие сугробы. Внутри юрты было дымно и холодно, изменить или улучшить свое положение мы никак не могли. Когда последнее полено было положено в огонь, стало ясно, что, невзирая на ветер и стужу, мы должны итти за топливом. Тогда, завернув голову одеялами, с топором в руках я вышел из юрты. Сильным порывом ветра меня чуть не опрокинуло на землю, но я удержался, ухватившись за жердь, глубоко воткнутую в гальку, которой было прижато корье на крыше нашей «гостиницы». Кругом творилось что-то страшное. С невероятной быстротой снег несло ветром сплошной стеной. Было как-то особенно мрачно и жутко. Сквозь снежную завесу я увидел Ноздрина. Он стоял спиной к ветру и старался запахнуть лицо. Совсем наугад я пошел вправо и шагах в ста от юрты на берегу высохшей протоки наткнулся на плавник, нанесенный водою. Я

стал его разбирать. Снежная завеса разорвалась, и совсем рядом с собой я увидел того же Ноздрина. Я тронул его рукою. Он поднял голову и узнал меня. Мы набрали дров, сколько могли, и понесли к биваку. Спустя некоторое время вернулись в юрту и Рожков. Он ничего не нашел и сильно прозяб. Я пожурил его за то, что он, будучи больным, ушел, ничего мне не сказав. В такую пургу можно заблудиться совсем рядом с юртой и легко погибнуть.

Согревшись у огня, мы незадолго до сумерек еще раз сходили за дровами и в два приема принесли столько дров, что могли жечь их всю ночь до утра.

Так промаялись мы еще целые сутки, и только к вечеру третьего дня ветер начал понемногу стихать. Тяжелые тучи еще продолжали свое настойчивое движение, но порой сквозь них пробивались багровые лучи заката. В темных облаках, в ослепительной белизне свежесвыпавшего снега и в багрово-золотистом сиянии вечерней зари чувствовалось приближение хорошей погоды.

С тех пор, как мы начали сокращать себе ежедневную порцию продовольствия, силы наши стали падать. С уменьшением запасов юколы нарты делались легче, а тащить их становилось все труднее и труднее.

Одежда наша была в самом плачевном состоянии: она изнасилась и во многих местах была изорвана, суконные ленты на ногах превратились в клочья, рукавицы от постоянной работы продырявились и не давали тепла. Вместо обуви на

ногах мы имели не то чулки, не то мешки, сшитые из тряпок, овчины и рыбьей кожи. Из прорех торчали клочьями бараний мех или сухая трава. Чтобы обувь окончательно не развалилась, мы обмотали ноги поверх еще несколькими рядами шпагата. Лучше всего сохранились головные уборы, но и те требовали починки.

Уже несколько раз мы делали инспекторский осмотр нашему инвентарю, чтобы лишнее бросить в тайге, и каждый раз убеждались, что бросить ничего нельзя. Было ясно, что если в течение ближайших дней мы не уьем какого-нибудь зверя или не найдем людей, мы погибли. Эта мысль появлялась все чаще и чаще. Неужели судьба уготовила нам ловушку?.. Неужели Хунгари будет местом нашего последнего упокоения? И когда! В конце путешествия и, может быть, недалеко от жилья.

С охотой нам не везло совсем. Вследствие глубоких снегов зверь не ходил, он стоял на месте и грыз кору деревьев, росших поблизости. Нигде не было видно следов. Из шести собак трех мы потеряли неизвестно где и как. Их вдруг не оказалось на биваке. Быть может, они убежали назад. Две погибли с голода и только одна, казалось, самая слабая и самая старая, плелась следом за нартами. Один раз я убил молодую выдру, другой раз Ноздрин застрелил небольшую рысь. Мы их съели с величайшим удовольствием, а затем началась опасная голодовка. В таком положении, измученные и обессиленные, мы едва передвигали ноги. Будь лето, мы

давно бросили бы все лишнее и налегке как-нибудь добрались бы до людей, но глубокий снег, а главным образом морозы принуждали нас тащить палатку, поперечную пилу, топоры и прочие бивачные принадлежности. Бросить все это – значит немедленно обречь себя на верную смерть. В первую же ночь, утомленные дневным переходом, мы уснем, чтобы никогда более не проснуться.

Это вынудило нас, несмотря на крайнюю усталость, тащить нарты. С каждым днем мы стали делать переходы все меньше и меньше, стали чаще отдыхать, раньше становиться на бивак, позже вставать, и я стал опасаться, как бы мы не остановились совсем. Усталость накапливалась давно, и мы были в таком состоянии, что ночной сон уже не давал нам полного отдыха. Нужно было сделать дневку, но отсутствие продовольствия принуждало, хоть и через силу, двигаться вперед. Встреча с людьми – вот что могло спасти нас, и эта надежда еще поддерживала наши угасающие силы.

– Эх, поспать бы теперь как следует! – сказал однажды Ноздрин.

– Есть охота, – возразил ему Рожков. – А часто умирают люди не дома – все где-нибудь на стороне, – высказал он свои мысли.

В это время идущий впереди Ноздрин остановился и грузно опустился на край нарты. Мы оба следовали за ним и как будто только этого и ждали. Рожков немедленно сбросил с плеч лямку и тоже сел на нарту, а я подошел к берегу и при-

валился к вмержшему в лед большому древесному стволу, наполовину занесенному песком и илом.

Мы долго молчали. Я стоял и машинально чертил палкой по снегу узоры. Потом я поднял голову и безучастно посмотрел на реку. Мы только что вышли из-за поворота, перед нами был плес не менее полутора километров длины. Солнце уже склонилось к верхушкам самых отдаленных деревьев и косыми лучами озарило долину Хунгари и все малые предметы на снегу, которые только при этом освещении могли быть видны по синеватым теням около них. Мне показалось, что через всю реку протянулась полоска. Словно веревочка, она шла наискось и скрывалась в кустарниках на другом берегу. Сначала я подумал, что это тень от дерева, но она шла не от солнца. Если это трещина на льду, где осел снег, тогда ей место на берегу.

– Лыжница!..

Едва эта мысль мелькнула в моем мозгу, как я сорвался с места и побежал к полоске, которая выступала все отчетливее по мере того, как я к ней приближался. Действительно, это была лыжница. Один край ее был освещен солнцем, другой находился в тени – эту тень я и заметил, когда был около нарт.

– Люди, люди! – закричал я не своим голосом.

Рожков и Ноздрин бросили нарты и прибежали ко мне.

Тем временем я успел все рассмотреть как следует. Лыжница была вчерашняя и успела хорошо занаститься. Видно

было, что по ней шел человек маленького роста, маленькими шагами, на маленьких лыжах и с палкой в руке. Если это мальчик, то жилище не должно быть далеко. Тотчас мы направились по следу в ту сторону, куда ушел этот человек. Лыжница через кусты вывела нас на небольшую протоку и направилась вниз по течению, но потом она свернула вправо и вышла на протоку побольше. Здесь ее пересекла другая старая лыжница. Я старался не упустить ни одной мелочи в следах и внимательно осматривал все у себя под ногами и по сторонам. В одном месте я увидел четыре уже замерзшие проруби в одну линию – это ловили рыбу подо льдом. Немного далее еще две лыжницы, совсем свежие, пересекли нашу дорогу. А вот кто-то совсем недавно рубил дрова.

– Люди, люди! – каждый из нас повторял это слово несчетное число раз.

Протока сделала еще один поворот вправо, и вдруг перед нами совсем близко появилась небольшая юрточка из корья. Из нее вышла маленькая сморщенная старушка с длинной трубкой.

– Би чжанге, ке-кеу-де елани агде ини. Бу дзяпты анчи, – сказал я ей на туземном языке. (Я начальник, нас три человека, уже много дней мы ничего не ели).

Старушка сначала испугалась, но фраза, сказанная на родном языке, сразу расположила ее в нашу пользу. В это время из юрты вышла другая старушка еще меньше ростом, еще более сморщенная, с еще более длинной трубкой. Я объяснил

им, кто мы такие, как попали на Хунгари, куда идем, как нашли их по лыжнице и просили оказать нам гостеприимство. Узнав, что мы обессилели от голода, старушки засуетились и пригласили войти в юрту. Одна из них пошла за водой к проруби, а другая одела лыжи и с палкой в руках пошла в лес. Минут через десять одна вернулась с большим куском сохатинного мяса и принялась варить обед, а другая повесила над огнем чайник и стала жарить на углях свежую юколу.

С невероятной жадностью набросились мы на еду. Старушки угощали нас очень радушно, но в то же время убеждали много не есть.

Когда первые приступы голода были утолены, я хотел со своими спутниками итти за нартами, но обе старушки, расспросив, где мы их оставили, предложили нам лечь спать, сказав, что нарты доставят их мужья, которые ушли на охоту еще вчера и должны скоро вернуться. Не хотелось мне утруждать туземцев доставкой наших нарт, но я почувствовал, что меня стало сильно клонить ко сну. Рожков и Ноздрин, сидя на полу, устланном свежей пихтой, тоже клевали носами.

Добрые старушки настойчиво уговаривали нас не ходить и все время говорили одно и то же слово «гыры». Я уступил: не раздеваясь, лег на мягкую хвою; отяжелевшие веки закрылись сами собой. Я слышал, как заскрипел снег под лыжами около дома (это куда-то ушли старушки), и вслед за тем я, как и мои спутники, погрузился в глубокий сон.

Когда я проснулся было уже совсем темно. В юрте ярко горел огонь. Рожков и Ноздрин еще спали. По другую сторону огня против нас сидели обе старушки и их мужья, возвратившиеся с охоты – тоже старики. Один из них был старше и выше ростом, другой – ниже и моложавее. Обе старушки работали. Одна приготавливала новую обувь, другая варила ужин. Тут только я заметил, что мы все были разуты, и на ногах вместо рваных унтов надеты кабарожьи меховые чулки. Я хотел было подняться и сесть, но почувствовал сильную истому и ломоту в костях. Я чувствовал головокружение и усталость еще большую, чем вчера, чем сегодня до сна.

– Спи. Надо много спи, – сказал мне один из стариков.

Я откинулся назад и опять утонул во сне.

На другой день проснулись мы совершенно разбитыми и совершенно неспособными ни к какой работе. Все члены словно были налиты свинцом, чувствовался полный упадок сил, даже поднять руку было тяжело. Когда проснулись Рожков и Ноздрин, я не узнал своих спутников.

У них отекли руки и ноги, распухли лица. Они тоже смотрели на меня изумленно испуганными глазами. Оказывается, и я сам имел такой же болезненный вид. Старики-орочи посоветовали подняться, походить немного и вообще что-нибудь делать, двигаться...

Это легко было сказать, но трудно было исполнить.

Орочи настаивали, они помогли нам обуться и подняться на ноги. Они принялись рубить дрова и просили нас то од-

ного, то другого сходить за топором, принести дров, поднять полено и т. д. Я убедил Рожкова и Ноздрина не отказываться от работы и объяснил в чем дело. Кишечник и желудок отвыкли работать, и от этого мы заболели: нужны движения, нужно дать встряску организму, нужен физический труд, хотя бы через силу.

Головокружение, тошнота и сонливое состояние не оставляли нас весь день. Трижды мы вылезли из юрты, кое-как двигались и ничего не ели.

Так проболели мы две недели.

Силы наши восстанавливались очень медленно. Обе старушки все время ходили за нами, как за малыми детьми, и терпеливо переносили наши капризы. Так только мать может ходить за больным ребенком. Женщины починили всю нашу одежду и дали новые унты, мужчины починили нарты и выгнули новые лыжи.

Наконец, мы оправились настолько, что могли продолжать путешествие. Я назначил днем выступления 14 января 1910 года. С вечера мы уложились, увязали нарты и рано легли спать, а на другой день со свежими силами выступили в путь.

Как сейчас вижу маленькую юрточку на берегу запорошенной снегом протоки. Около юрочки стоят две туземные женщины – старушки с длинными трубками. Они вышли нас провожать. Отойдя немного, я оглянулся. Старушки стояли на том же месте. Я помахал им шапкой, они ответили рука-

ми. На повороте протоки я повернулся и послал им последнее прости.

Удэхейцы снабдили нас продовольствием на дорогу и проводили, как они сами говорили, на шесть песков, т. е. на шесть отмелей на поворотах реки. Они рассказали нам путь вперед на несколько суток и указали, где найти людей. Мы расстались.

Зимний переход по реке Хунгари в 1909 году был одним из самых тяжелых в моей жизни, и все же каждый раз, когда я мысленно оглядываюсь во времени назад, я вспоминаю с умилением двух старушек, которые оказали нам неоценимые услуги и, может быть, спасли нас от смерти.

Путешествие наше близилось к концу. Сплошная тайга кончилась и начались перелески, чередующиеся с полянами. С высоты птичьего полета граница тайги, по выходе в долину Амура, представляется в виде ажурных кружев. Чем ближе к горам, тем они казались плотнее, и чем ближе к Амуру, тем меньше было древесной растительности и больше луговых пространств. Лес как-то разбился на отдельные куртины, отошедшие в стороны от Хунгари.

Сознание, что Амур недалек, волновало нас, и как-то без всякого повода, на основании одних лишь предположений, мы уверили себя, что к вечеру непременно дойдем до села Вознесенского, расположенного с правой стороны около устья реки Хунгари.

В этот день с бивака мы выступили в обычное время и

в полдень, как всегда, сделали большой привал. В два часа мы миновали последние остатки древесной растительности. Дальше перед нами на необозримом пространстве расстилась обширная поемная низина, занесенная снегом, по которой там и сям отдельными буро-желтыми пятнами виднелись вейник и тростник, менее других погребенные сугробами.

Здесь с правой стороны реки мы нашли небольшую фанзочку, в которой жили трое корейцев-дроворубов. Они не говорили по-русски, и как я ни пытался узнать, далеко ли до села Вознесенского, толку добиться не мог. Корейцы что-то болтали и спорили между собой. Не помогло и черчение по снегу.

Надо было взять себя в руки и, невзирая на просьбы Рожкова и Ноздрина, остановиться на бивак и отдохнуть как следует, а завтра со свежими силами выступить пораньше и за светло дойти до Амура. Я этого не сделал, уступил своим спутникам и, несмотря на позднее время, пошел дальше.

Скитание по тайге надоело нам, одеты мы были плохо, питались кое-как и потому, естественно, всем нам хотелось поскорее добраться до Амура. Простая элементарная логика заговорила о необходимости устроить бивак, хотя бы в прибрежных кустах, где все же можно было собрать достаточно мелкого хвороста. Но как бывает иногда, находит какое-то помутнение рассудка. И вот ни на чем не основанная уверенность и надежда, что Амур так недалек, что если мы пойдем

бодро и будем идти долго, то непременно достигнем цели, заслонили разумную осторожность. В самом деле! Лес кончился – разве это не признак, что Амур недалеко? Положим, что поемные луга протянутся километров 8-10, не более. Без сомнения, мы сегодня же будем в селе Вознесенском. Так говорили мои спутники. Доводы их показались мне убедительными – я махнул рукой и подал знак двигаться дальше.

От корейских фанз река сделалась извилистой. Еще некоторое время по берегам попадались одиночные кусты, но они скоро исчезли. Там, где река разбивалась на протоки, образовались молодые острова, еще не успевшие покрыться растительностью. Пора было остановиться на бивак, но так как мы решили во что бы то ни стало дойти до села Вознесенского, то этой мысли не суждено было воплотиться в действительность, она мелькнула только и бесследно исчезла. К тому же ночевка под открытым небом была абсолютно невозможна. Еще час, другой ходьбы и мы, вероятно, будем на Амуре.

Часа через два начало смеркаться. Солнце только что скрылось за облаками, столпившимися на горизонте, и окрасило небо в багрянец. Над степью пробежал редкий ветер. Он шелестел засохшею травой, пригибая верхушки ее к сугробам. Снежная равнина безмолвствовала. Вдруг над головой мелькнуло что-то белесоватое, большое. По бесшумному полету я узнал полярную сову открытых пространств.

«Я предвестница мрака, за мною ночь идет», – словно пророчила она своим появлением. Сова скрылась, и вместе

с нею, казалось, улетела и угроза, оброненная ею по пути.

Мы шли еще некоторое время. На землю надвигалась ночь с востока. Как только скрылось солнце, узкая алая лента растянулась по горизонту, но и она уже начала тускнеть, как остывающее раскаленное докрасна железо. Кое-где замигали звезды, а между тем впереди нигде не было видно огней. Напрасно мы напрягали зрение и всматривались в сумрак, который быстро сгущался и обволакивал землю. Впереди по-прежнему плес за плесом, протока за протокой сменяли друг друга с поразительным однообразием.

– Что за диво, – сказал молчавший до сего времени Рожков, – давно бы надо быть Амуру.

– А ты почему знаешь, что ему давно надо быть? – возразил Ноздрин.

«А и в самом деле, – подумал я, – почему мы решили, что Амур недалеко? Быть может, до него еще целый переход». Эта мысль напугала меня, и я постарался отогнать ее прочь.

Через час ночь окончательно вступит в свои права и принудит остановиться. Итти в темноте наугад целиною по глубокому снегу трудно для здоровых людей, но совершенно не по силам было для нас, утомленных такой длинной и тяжелой дорогой. И днем-то мы часто сбивались с главного русла и залезали то в старицу, то в смежную протоку.

Как только кончился лес, стало заметно холоднее. Над снежной равниной пробегал холодный резкий ветер. Мы стали зябнуть и выбиваться из сил. Прошло еще два часа, а мы

все шли. Ночь окончательно вступила в свои права. Стало так темно, что мы то и дело натыкались то на обрывистый берег, то на ледяной торос, то на колодник, вмерзший в мокрый песок. Впереди ни малейшего признака жилья, ни одного огонька. На небе горели бесчисленные звезды. Они сильно мерцали и в морозном воздухе переливались всеми цветами радуги.

Случайно мы остановились все сразу. В таких случаях самое худшее решение – ни на что не решаться. Через час, даже через какие-нибудь полчаса будет уже поздно. Тогда я обратился к обоим спутникам с короткой речью. Я сказал им, что мы попали в очень опасное положение. Мы не рассчитали своих сил и без всяких данных решили, что Амур недалеко. Если мы пойдем вперед, то вынуждены будем заночевать в открытом поле и без огня. За это мы поплатимся в лучшем случае отмороженными конечностями, а в худшем – уснем навеки. Единственный способ выйти из бедственного положения – оставить здесь нарты и налегке с одними топорами итти назад по протоптанной дороге.

Рожков и Ноздрин молчали. Не давая им опомниться, я быстро пошел назад по лыжнице. Оба они сняли лямки с плеч и пошли следом за мной. Отойдя немного, я дождался их и объяснил, почему необходимо вернуться назад. До Вознесенского нам сегодня не дойти, дров в этих местах нет и, значит, остается один выход – итти назад к лесу.

Мои спутники ничего мне не ответили. Путь назад был

длинный, а силы наши на исходе. Занастившаяся дорога позволяла не смотреть под ноги, протоптанный след сам направлял наши лыжи и для того, чтобы выйти из него на целину, нужно было употребить довольно большое усилие. Значит, сбиться с дороги мы не могли. Однако усталость дала себя чувствовать очень скоро. Около полуночи Ноздрин начал отставать. Опасаясь, как бы он не отстал совсем, я велел Рожкову пропустить его вперед и подбадривать словами. Мы шли, как пьяные, и качались из стороны в сторону. Я трижды поймал себя в дремоте во время коротких остановок. Около часа ночи Ноздрин стал просить разрешения на отдых, обещая нас догнать очень скоро. Тогда я прибегнул к обману. Впереди виднелась какая-то длинная темная масса. Я сказал, что это лес, где мы разведем огонь и остановимся совсем. Поверил ли мне Ноздрин или его уговорил Рожков, но только он пошел дальше. Темный предмет оказался возвышенным берегом реки, но, к сожалению, совершенно голым. Я сказал, что ошибся, что лес начинается не от этого, а от другого мыса. Оба стрелка шли безучастно и ни слова не говорили. Вот и второй мыс, на нем тоже не было леса. Надо было опять что-нибудь выдумать, иначе мои спутники потеряют уверенность в своих силах и остановятся. Рожков стоял согнувшись, опираясь на палку, а Ноздрин уже готовился сесть в сугроб.

– Лес! Лес! Я вижу лес впереди, – закричал я, на самом деле ничего не видя.

Собрав остатки последних сил, мы все тихонько пошли вперед. И вдруг действительно в самую критическую минуту с левой стороны показались кустарники. С величайшим трудом я уговорил своих спутников пройти еще немного. Кустарники стали попадаться чаще попеременно с одиночными деревьями. В 21/2 часа ночи мы остановились. Рожков и Ноздрин скоро развели огонь. Мы погрелись у него, немного отдохнули и затем принялись таскать дрова. К счастью, поблизости оказалось много сухостоя, и потому в дровах не было недостатка.

Разгребая снег, мы нашли под ним много сухой травы и принялись ее резать ножами. В одном месте, ближе к реке, виднелся сугроб в рост человека. Я подошел к нему и ткнул палкой. Она уперлась во что-то упругое, я тронул в другом месте и почувствовал то же упругое сопротивление. Тогда я снял лыжу и стал разгребать снежный сугроб. При свете огня показалось что-то темное.

– Балаган! – закричал я своим спутникам. Тотчас Рожков и Ноздрин явились на мой зов. Мы разобрали корье и у себя на биваке сделали из него защиту от ветра. Затем мы сели на траву поближе к огню, переобулись и тотчас заснули. Однако, сон наш не был глубоким. Каждый раз, как только уменьшался огонь в костре, мороз давал себя чувствовать. Я часто просыпался, подкладывал дрова в костер, сидел, дремал, зяб и клевал носом.

Как реакция после напряженной деятельности, когда надо

было выиграть время и заставить себя преодолеть усталость, чтобы дойти до лесу, вдруг наступил покой и полный упадок сил. Теперь опасность миновала. Не хотелось ничего делать, ничего думать. Я безучастно смотрел, как перемигивались звезды на небе, как все новые и новые светила, словно алмазные огни, поднимались над горизонтом, а другие исчезали в предрассветной мгле.

...На другой день к вечеру мы были в селе Вознесенском.